

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Филологический факультет
Кафедра русского языка

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АННОТАЦИЯ
ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И
КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ЗООМОРФИЗМОВ)**

Магистерская диссертация

Допустить к защите

Зав. кафедрой русского языка
_____ Т.В. Жукова
«___» _____ 20__ г.

**Выполнила студентка Р – ПОЯ 081
группы**

Нагорная Татьяна Сергеевна
Подпись _____

Научный руководитель:

к.филол.н., доцент кафедры русского языка
Трофимова Ульяна Михайловна

Подпись _____
(подпись)

Оценка _____
«___» _____ 20__ г.

Подпись _____
(Председатель ГАК)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Метафорический перенос в аспекте корпусной лингвистики.....	9
1.1. Полисемия как системное явление.....	9
1.2. Метафора в системном и когнитивном аспекте.....	12
1.3. Зооморфные метафоры	18
1.4. Корпусный анализ. Национальный корпус русского языка (НКРЯ)...	26
1.5. Семантическая аннотация НКРЯ как таксономия лексики.....	30
1.6. Проблема дизамбигуации в корпусной лингвистике.....	33
ГЛАВА 2. Лексикографический и корпусный анализ зооморфизмов.....	37
2.1. Лексикографический анализ зоонимов.....	38
2.2. Корпусный анализ зооморфизмов.....	47
2.2.1. Полевое распределение зооморфизмов.....	55
2.2.2. Поиск значимых характеристик на фрагменте исследуемой модели.....	57
2.2.3. Анализ конструкции «мест.-прил.(SPRO)+животное»	64
2.2.4. Денотативно – сигнификативный анализ ядерных единиц поля зооморфизмов.....	67
Заключение	75
Литература.....	76
Приложение	

Введение

Тема нашей работы: «Метафорическая аннотация лексики русского языка (на материале лексикографического и корпусного анализа зооморфизмов)».

Настоящее исследование посвящено проблеме метафорической аннотации лексики русского языка как одного из способов представления системности лексики. Как известно, одним из важнейших факторов становления любой науки является осознание ею системности своего объекта. Не является исключением и лексикология. Проблема системности лексики обсуждается в последние полтора столетия, однако и в настоящее время далека от разрешения (см. об этом, например, [Трофимова 2009]). По мнению Ю.С. Степанова, лексика является сложным объектом, «системная организация которого не может быть раскрыта с помощью единого принципа» [Розина 1982: 35]. Выделение того или иного принципа в качестве доминирующего определяет парадигму лексикологии.

На наш взгляд, можно говорить о смене лексико-семантической парадигмы в начале XXI века [Трофимова, Нагорная 2013: 95]. До недавнего времени в качестве основного объекта лексико-семантических исследований выступала лексическая синонимия, а в качестве иницирующего прагматического начала - лексикография, к потребностям которой относилось не только проблема «исчерпывающего и неизбыточного толкования лексических значений» [Апресян 1995: 6], но и выбор способов систематизации лексики. В рамках этой парадигмы сформировались основные положения Московской семантической школы и была выпущена серия словарей нового поколения (например, «Новый объяснительный словарь синонимов» под рук. Ю.Д. Апресяна).

Новая парадигма ознаменовалась пристальным вниманием к полисемии в целом и метафоре в частности. Так, по мнению Г.Н. Складневской, «мы переживаем время тотального интереса к метафоре» [Складневская 1993: 3]. Г.И. Кустова отмечает: «Оживление интереса к

полисемии в последние десятилетия является одним из закономерных результатов смены ценностей и ориентиров в науке о языке «постструктуралистской» эпохи» [Кустова 2004: 9]. Изменение основного направления лексико-семантических исследований, как нам представляется, обусловлено совпадением когнитивных интересов современной лингвистики и когнитивной природы метафоры [Лакофф, Джонсон 2008]. Прагматическим фактором смены парадигмы является развитие компьютерной и корпусной лингвистики, ставящих новые задачи перед лексикологией, среди которых одной из центральных становится проблема снятия семантической неоднозначности [Кустова, Ляшевская и др. 2005: 167].

Уже не вызывает сомнений, что процессы, протекающие в лексике, могут быть достоверно описаны при помощи такого инструмента, как корпус. Как отмечает М. А. Кронгауз, статистические закономерности, выявляемые в ходе корпусного анализа, являются показательными и значимыми и «могут играть роль своего рода эмпирической реальности, интерпретируемой с семантической точки зрения» [Кронгауз 2005: 95]. Однако можно согласиться с В.А. Плунгяном в том, что «корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология» [Плунгян 2008: 14], характеризуемая текстоцентричностью и статистической достоверностью исследований. Кроме того, корпус оказывается лакмусовой бумажкой существующих лингвистических классификаций, проявляющей их жизнеспособность или нежизнеспособность, как в случае семантической разметки и системности лексики.

Сфера наших интересов лежит в области метафорических процессов, нас интересует исследование системного аспекта метафоры как возможность аннотации лексики в интересах корпусного анализа. Взгляд на языковую метафору через призму корпусной лингвистики является неотъемлемой частью современной научной парадигмы. А.Н. Баранов указывает на корпусную инвентаризацию метафорических моделей как на «важный этап

научного описания функционирования метафор в реальном употреблении» [Баранов 2008: 15]. В свою очередь, достоверность метафорической систематизации лексики может быть проверена в ходе корпусного анализа.

Итак, **актуальность** настоящей работы обусловлена обращением к исследованию одного из важнейших системных понятий современной лексикологии - метафорической модели с позиции интересов корпусной лингвистики.

Для данного исследования нами избрана модель ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК. Среди всего многообразия регулярных метафорических переносов модель *животное* → *человек* занимает особое положение, так как для всего класса зоонимов в потенциале возможен переход в сферу метафорической номинации. Кроме того, являясь языковой универсалией с одной стороны, с другой стороны, зооморфизмы несут в своей семантике выраженную национальную специфику. Такого рода метафоры называют зооморфизмами (зооморфными образами).

Объектом исследования являются зооморфные метафоры (метафорическая модель ЖИВОТНОЕ - ЧЕЛОВЕК).

Предмет исследования – языковые маркеры (синтаксические, морфологические, лексические) метафорической модели ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК в текстах русского языка.

В качестве **материала** для работы выступили данные лексикографических источников (Словарь русского языка С.И. Ожегова [53], Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой [66], Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова [63]), семантическая разметка и тексты Национального корпуса русского языка [52]. Национальный корпус русского языка - это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на русском языке в электронной форме.

Цель данной работы – на основе лексикографического и корпусного анализа метафорической модели ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК выявить

вероятные языковые маркеры, характеризующие ее функционирование в тексте, как основу для создания метафорической аннотации, пригодной для увеличения эффективности построения поисковых запросов в процессе корпусного анализа.

Ввиду того, что проблема снятия неоднозначности (дизамбигуации) является на сегодняшний день своего рода камнем преткновения в корпусной лингвистике и находится в процессе всестороннего изучения, мы не предполагаем в своем исследовании представить исчерпывающее решение данной проблемы, но надеемся через качественный анализ метафорического поля охарактеризовать возможные способы снятия неоднозначности в Национальном корпусе русского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд задач:

- 1) исследование проблематики метафоризации в системном и когнитивном аспектах;
- 2) изучение структуры Национального корпуса русского языка, особенностей существующей разметки;
- 3) характеристика исследуемой метафорической модели в системе других метафорических моделей русского языка;
- 4) сравнительный лексикографический анализ материала по данным разных словарей с целью сужения общего объема зооморфизмов русского языка по признаку кодифицированности;
- 5) фронтальное исследование представленности зооморфизмов в Корпусе;
- 6) статистический анализ полученных данных;
- 7) создание метафорического поля модели ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК и определение полевого статуса как маркера метафорического потенциала зоонима;

8) денотативно-сигнификативный анализ контекстов употребления зооморфных метафор с целью выявления языковых маркеров.

Для решения поставленных целей и задач использовались следующие **методы** и приемы:

- метод сплошной выборки при работе со словарями;
- структурно-функциональный анализ зоонимов по данным лексикографических источников;
- корпусный анализ, направленный на выявление языковых маркеров метафорических переносов;
- методы количественной и статистической (определение коэффициента корреляции) обработки.

Новизна и теоретическая значимость работы обусловлена ее вкладом в теорию языковой метафоры, выявлением особенностей функционирования зооморфизмов в текстах русского языка, значимых для решения проблемы снятия неоднозначности в Интернет-ресурсе Национальный корпус русского языка.

Практическая значимость работы заключается в создании основы для формирования таксономии, позволяющей приблизиться к адекватной метафорической аннотации зооморфной лексики русского языка, а также в возможности использования материалов диссертации при чтении академических курсов "Лексикология русского языка", "Актуальные проблемы семантики", "Общее языкознание", спецкурсов, элективных курсов по данной проблематике.

Структура работы. Работа состоит из Введения, в котором представлены основные параметры исследования, теоретической и исследовательской глав, Заключения, Списка использованной литературы, включающего 87 источников, и Приложений, представляющих материал исследования на разных его этапах.

Исследование апробировано на следующих конференциях: XV Всероссийская научно – практическая конференция аспирантов, студентов и учащихся «Наука и образование: проблемы и перспективы» (Бийск, 12 – 13 апреля 2013 г.); Ежегодная научно – практическая конференция студентов, магистрантов и учащихся «День науки – 2013: Актуальные проблемы современной филологии» (Бийск, 29 марта 2013 г.); научно – практический семинар «Интернет как лингвистический источник» (Бийск, 27 марта 2014г.); Ежегодная научно – практическая конференция студентов, магистрантов и учащихся «День науки - 2014» (Бийск, 7 апреля 2014 г.).

По теме исследования имеется 4 публикаций.

ГЛАВА 1. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС В АСПЕКТЕ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В данной главе мы обратимся к основным теоретическим положениям нашего магистерского сочинения. Мы рассмотрим метафору как один из самых богатых источников многозначности и универсальный инструмент когнитивной деятельности [Зализняк 2004: 57], как сложный феномен, системное описание которого осуществляется на базе понятия «метафорическая модель». Система метафорических моделей - это важная часть национальной языковой картины мира. Важным постулатом современной когнитивной лингвистики является дискурсивный подход к изучению материала (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования - все это может быть реализовано в рамках корпусного анализа, в частности – Национального корпуса русского языка в качестве инструментария такого рода анализа. Мы рассмотрим особенности Корпуса как источника лингвистических исследований, некоторые его специфические характеристики, подробнее остановимся на актуальной проблеме дизамбигуации.

1.1. Полисемия как системное явление

Ввиду того, что в лингвистической традиции существует три очень близких термина *многозначность*, *полисемия* и *неоднозначность*, а представление о широте указанных понятий разнятся, отметим, что в своей работе мы будем понимать *многозначность* и *полисемию* как синонимичные термины, называющие одно явление, опираясь при этом на [ЛЭС 1990]: «ПОЛИСЕМИЯ (многозначность) – наличие у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [Д.Н.Шмелев // ЛЭС 1990: 382].

Вопрос о феномене многозначности, ее природе и особенностях затрагивался в работах многих видных зарубежных и отечественных ученых

(А. Дармстетер, Д. Киттредж, Г. Пауль, М. Бреаль, Дж. Триер, А. Мейе, Л. Блумфилд, Э. Велландер, М. Бирвиш, Х. Сперберг, С. Ульман, Р. Якобсон, И. В. Арнольд, Ю. Д. Апресян, В. В. Виноградов, Р. А. Будагов, А. А. Потебня, М. М. Покровский, А. И. Смирницкий, М. В. Никитин, В.Г. Гак, Д.Н. Шмелёв и мн. др.). Анализ источников позволяет выделить несколько проблем, связанных с системным представлением полисемии.

Во-первых, и прежде всего, это представление многозначности как набора частных значений. Эта проблема обусловлена самой природой многозначности, в частности – ее недискретным устройством в системе языка. Такого рода недискретность в процессе реальной коммуникации оказывается, конечно, значительно снижена, но, тем не менее, не устранена [Зализняк 2004]. Однако существует и иное представление о природе полисемии. Так, Ю.Д. Апресян постулирует, что «концепция многозначности покоится на представлении о дискретной организации лексических значений», и даже случаи диффузности значений «не подрывают принципа дискретной подачи значений слова» [Апресян 1971].

Во-вторых, структура многозначного слова, или принципы организации значений многозначного слова. Предлагаются различные способы системного представления многозначности:

1. Иерархически организованный набор частных значений (например, традиционные толковые словари);
2. Схема Ежи Куриловича (набор частных значений, связанных с исходным значением через заданные отношения семантической деривации);
3. Набор семантических компонентов (компонентов толкования), имеющих на семантическом метаязыке вид утверждений (А. Вежбицкая);
4. Схема Р. Якобсона (инвариант и выводимые из него варианты, реализующиеся в различных контекстах);
5. Образ-схема (image schema) (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда и др.) и некоторые другие.

Третий аспект связан с понятием регулярности в полисемии. Как известно, различают регулярную и нерегулярную многозначность. Вслед за Ю.Д. Апресяном, мы будем называть полисемию слова A со значением a_i и a_j регулярной, «если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово B со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_i и a_j , - и если $a_i - b_i$, $a_j - b_j$ попарно несинонимичны» [Апресян 1971]. В научной литературе было отмечено сходство между регулярной многозначностью и словообразованием, так как многие ее типы продуктивны, в этом смысле любое слово, имеющее значение «А» может быть употреблено в значении «В».

Особого упоминания заслуживает исчерпывающий анализ многозначности в языке, представленный в работах Анны А. Зализняк и Г.И. Кустовой.

Так, Г.И. Кустова отмечает: «Оживление интереса к полисемии в последние десятилетия является одним из закономерных результатов смены ценностей и ориентиров в науке о языке «постструктуралистской» эпохи» [Кустова 2004: 9]. Значительная часть исследований посвящена проблеме лексической полисемии, а регулярность многозначности, как ее характерная и неотъемлемая черта, находится в центре интересов сегодняшней семантики [Зализняк 2004: 20]. Многозначность в данных исследованиях рассматривается с когнитивных позиций, в основе такого подхода лежат следующие принципы:

1. Все языковые единицы многозначны.
2. Для многозначной языковой единицы не существует единого ядерного (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами.
3. Значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы).
4. Значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми

остальными посредством трансформаций образ-схемы (т.е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы), а также метафоры.

5. Нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы центральным значением, трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.

6. Между описанием полнозначных слов и служебных слов и морфем нет принципиальной разницы. [Зализняк 2004]

При описании семантических сдвигов (регулярной многозначности) Г.И. Кустова выделяет два центральных механизма, существенных при изучении полисемии и имеющих когнитивную природу: механизм выделения, акцентирования и механизм смещения, сдвига, перераспределения акцентов. «Один механизм направлен на стабилизацию, консервацию, а другой – на компенсацию и расширение возможностей» [Кустова 2004: 28 – 29].

1.2. Метафора в системном и когнитивном аспекте

Следует сказать несколько слов о трактовке понятия «метафора». Как правило, под метафорой понимается термин поэтики, а сама метафора трактуется как троп. И это вполне закономерно, если учитывать существование не просто многолетней, а многовековой традиции. Однако как категория лексикологии языковая метафора не эквивалентна метафоре поэтической. Первым эти явления противопоставил еще Ш. Балли [Балли 1961: 333]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «изобразительная метафора глубоко отлична от метафоры словесной. ...Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры...» [Арутюнова 1990: 22]. В.Н. Телия интерпретирует художественную метафору как речевую и противопоставляет ей языковую метафору на следующем основании: ассоциативные связи в языковой метафоре объективированы, они соответствуют тем предметно-логическим

связям, которые отражают языковой опыт говорящего, а коннотации, создающие метафору, узуально закреплены за смысловыми потенциями слова, в то время как коннотации речевой (художественной) метафоры отражают индивидуальное, а не коллективное видение мира, они «субъективны и случайны относительно общего знания» [Телия 1977: 192 – 194]. Подробнейшим образом этот вопрос рассмотрен в [Скляревская 1993]. Вслед за Г.Н. Скляревской мы примем за основное современное понимание языковой метафоры (далее в тексте метафоры) «как вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [Скляревская 1993: 12].

Остановимся немного подробнее на вариантах классификации типов метафор, отличных друг от друга как по основаниям, так и по результатам. Н.Д. Арутюнова выделяет предикатную и идентифицирующую метафору, в зависимости от позиции и функции в предложении [Арутюнова 1979: 147 – 173]. Ш. Балли, анализируя метафорическую образность, выделяет три типа образов: ослабленный, конкретно-чувственный и мертвый [Балли 1961: 226 – 229]. М. Блэк, классифицируя метафоры, выделяет случаи сравнения, взаимодействия и субституции [Блэк 1990: 153 – 172]. В.Г. Гак – метафору одностороннюю (семасиологическую) и двустороннюю (ономасиологическую) [Гак 1972]. О.П. Ермакова в рамках метафоризации субстантивов вычленяет «метафору по денотату», «метафору по сигнификату» и т.д. [Ермакова 1995: 142 – 145]. Ю.И. Левин – метафору-сравнение, метафору-сдвиг и метафору-загадку [Левин 1969: 65; 69]. Г.Н. Скляревская в своем исследовании, посвященном языковой метафоре, выделяет мотивированную, ассоциативную и синкретичную метафору [Скляревская 1993: 48 – 64]. А.Е.Т. Черкасова предлагает подвергать метафорические сдвиги анализу в терминах категорий существительного [Черкасова 1968: 37 – 38]. Наконец, в рамках когнитивной теории метафоры происходит отрыв от традиционного понимания метафоры и речь идет о

когнитивных схемах и концептах (conceptual metaphor) [Лакофф, Джонсон 2008].

Типологическая классификация метафор тесно связана с представлениям о ее функциональном назначении: «в типологиях метафор отражаются функции образных средств в языке и речи: присущие метафоре функции номинации и характеристики... в типологиях дифференцируются на более частные» [Илюхина 2010: 18]. Наиболее широко функции метафоры представлены в работе В.К. Харченко, которая, собственно, и носит название «Функции метафоры». Ученый выделяет 15 частных функций метафоры с учетом отличий вторичной номинации от первичной, жанра, контекста (речевой ситуации), а также функции речевого целого, включающего метафору: номинативная (например, названия некоторых растений: *венерин башмачок, медвежьи лапки*), информативная (под данной функцией автор понимает особенности метафорической информации: целостность, панорамность образа; подключение огромной массы неосознаваемого к психическому отражению; плюрализм, множественность образного прочтения ситуации), мнемоническая (метафора способствует лучшему запоминанию), стилеобразующая (участие метафоры в создании стиля, прежде всего художественного), текстообразующая (способность метафоры быть мотивированной, развернутой, т.е. объясненной и продолженной), жанрообразующая (жанрообязательность метафоры в некоторых жанрах, например, загадках и пословицах), эвристическая (метафоры в научных открытиях, метафоры – термины, например, *мантия земли*), объяснительная (в учебной и научно-популярной литературе метафоры помогают усваивать сложную научную информацию и терминологию), эмоционально-оценочная (метафоры вызывают эмоционально – оценочную реакцию адресата), этическая (психическое отражение, образ может выполнять воспитывающую, этическую функцию), аутосуггестивная (высокая и во многом уникальная информативность метафоры делает ее превосходным средством самовнушения, самовоздействия во внутренней речи человека, в дневниках,

письмах, молитвах и т.д.), кодирующая (благодаря высокой компрессии смысла метафора может играть роль кода при обозначении военных операций, учений, программ действия различных инстанций и служб, например, *операция «Буря в пустыне»*), конспирирующая (функция метафоры, используемой для засекречивания смысла, например, в повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат»: - *Хорошего нового ничего нет, - заговорил старик. - Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать. А орлы все рвут то одного, то другого. На прошлой неделе русские собаки у мичицких сено сожгли, раздерись их лицо, - злобно прохрипел старик.*), игровая (метафора как средство комического, языковой игры, например, *У меня гроб – огурчик, отборный, любительский* (И.Ильф и Е.Петров. *Двенадцать стульев*)) и ритуальная функция (метафора и обряд: использование метафоры в поздравлениях, приветствиях, праздничных тостах, а также при выражении сочувствия, соболезнования, например, *Прорастет горе твое солодом*).

Представление о когнитивной природе метафоры за последние десятилетия прочно укрепилось в науке, а весьма популярный труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» даже признан «библией когнитивного подхода к метафоре» [Лакофф, Джонсон 2008: 7]. Во многом этому способствовало утверждение когнитивной парадигмы в языкознании, развитие информационных технологии, повышенный интерес к созданию искусственного интеллекта. На сегодняшний день когнитивная теория метафоры развивается в различных направлениях, одним из которых является дескрипторная теория метафоры. Она представляется нам заслуживающей особого внимания, так как призвана формализовать когнитивную теорию метафоры для нужд корпусного анализа, т.е. дескрипторная теория метафоры «целенаправленно разработана для компьютерного анализа метафоры дискурсов значительного объема» [9. С. 2]. Говоря о дескрипторной теории метафоры на материале русского языка нельзя не обратиться к трудам А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова. Исследуя

метафорику политического дискурса, они вводят понятие «метафорической модели» для нужд обработки данных при помощи компьютерных инструментов [8].

В рамках рассматриваемой теории метафора описывается с использованием метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов, что позволяет добиться единообразия в описании контекстов в целях обработки посредством компьютерных программ. Сигнификативные дескрипторы образуют поля, которые, в свою очередь, через тематическую связь формируют метафорические модели. Таким образом, каждая метафорическая модель имеет свое иерархически организованное дерево сигнификативных дескрипторов, через которое и может быть описана. «категория метафорической модели, преобразованная в табличный формат, в котором между сигнификативными и денотативными дескрипторами установлены соответствия (определяемые, разумеется на основе реальных употреблений), позволяет делать количественные оценки устойчивости (повторяемости) метафорических проекции в рамках данного дискурса» [8]. А.Н.Баранов описывает два основных типа метафорических моделей: фоновые и фигурные. Под фоновыми метафорическими моделями понимаются такие метафорические модели, которые связаны с другими метафорическими моделями прагматическими имплицативными отношениями, то есть когда употребление метафор одной метафорической модели влечет за собой использование метафор другой модели [8]. Фигурные же метафорические модели уникальны и являются результатом выбора говорящего, а не давления системы языка. Однако такого рода распределение не является жестким и метафорическая модель может совмещать в себе фоновые и фигурные свойства и проявлять себя фоновой или фигурной в зависимости от контекста и намерения говорящего. Категориальный аппарат дескрипторной теории метафоры с технологической точки зрения открывает широкие возможности для анализа значительного объема контекстов с применением стандартных средств компьютерной обработки.

Итак, системное описание метафоры реализуется в понятии «метафорическая модель» (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Дж. Миллер и др.). «Однако термин «метафорическая модель» вошел в научный обиход сравнительно недавно, в начале 1990-х гг. (В.Н. Телия, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов и др.) [36. С. 44]. Многие ученые (О.Н. Алешина, Л.А. Кудрявцева, Г.Н. Складревская, Н.П. Тропина) полагают, что работа в направлении описания моделей метафоризации (метафорических моделей, моделей метафор) позволит выделить наиболее актуальные, продуктивные и регулярные из них и приблизит науку к пониманию общих закономерностей метафорического моделирования действительности [36].

Ю.В. Кравцова в своей работе отмечает, что «за последний период появилось немало работ (О.Н.Алешина, А.Н.Баранов, Л.А.Кудрявцева, Д.А.Катунин, З.И.Резанова, Н.А.Мишанкина, Н.П.Тропина, Ю.Б.Феденева и др.), в которых метафора рассматривается как универсальная языковая модель и последовательно описываются метафорические модели на том или ином материале, что, несомненно, является важным этапом в установлении закономерностей образного мышления. Однако термин “метафорическая модель” понимается в них по-разному. Кроме того, для обозначения данного явления используются различные термины: архетип или метафорический архетип (Панченко, Смирнов, Юнг), базисная метафора (Лакофф, Джонсон), метафорическая модель (Баранов, Караулов, Чудинов), образ-схема (Лакофф), парадигма образов (Павлович), поэтическая формула (Кузьмина), образ (Илюхина), модель регулярной многозначности (Шмелев, Апресян, Чудинов), метафорическое поле (Складревская) и др. [Колотнина 2001]

В современных ономазиологических исследованиях (В.Н. Телия, Н.П. Тропина, Л.А.Кудрявцева, Г.И. Кустова, Л.К. Жаналина и др.) метафорические модели понимаются как образцы, схемы смыслообразования: “По существу метафора является моделью, выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель,

но только более сложную и к тому же действующую “скрыто” и нестандартно” [Телия 1988: 180].

1.3. Зооморфные метафоры

Для русской номинативной системы характерна оценочность и присутствия яркой эмоциональной окраски, и эти черты находят свое отражение в первую очередь в сфере образных наименований человека. Одной из мощнейших семантических баз для метафорической номинации человека, без сомнения, является класс зоонимов, так как в потенциале всего класса заложена возможность употребления для номинации человека. Разумеется, мы понимаем, что функция-потенциал отлична от функции-реализации и фактически мы не оперируем всем объемом лексического класса зоонимов для метафорической номинации человека. Такого рода закономерность можно отметить не только для зооморфизмов, но и в целом для механизма образования многозначности, т.е. количество способов образования значений априори ограничено, оно «не может быть бесконечным, и эти способы не могут быть «любыми», какими угодно» [Кустова 2004], но в реальном функционировании языка оно снижено еще сильнее, образуя своего рода лакуны на месте потенциально возможных, но фактически не реализованных моделей. Таким образом, семантический потенциал слов одного класса, который гипотетически должен быть примерно одинаков, фактически может значительно разниться, т.е. внутри класса у слов существует разное количество значений [Кустова 2004].

Ввиду своей распространенности и широкой представленности в языке зооморфные метафоры (зооморфизмы) являются и наиболее изученными в семантическом отношении [Григоренко 2003: 84] и имеют довольно длительную историю изучения: явление зооморфии в стилистическом, исторической и сравнительном аспектах исследовалось еще В. фон Гумбольдтом и Ф.И. Буслаевым.

В своей работе мы дифференцируем понятия «зооним» как прямую номинацию животного и «зооморфизм» как вторичную номинацию, образное наименование человека. Таким образом, зооморфизм – это зооним, используемый в качестве номинации для характеристики человека. В самом определении заложена двойственная природа зооморфных метафор, нерасчленимость, слитность функции номинации и характеристики, т.е. зооморфизм – это всегда характеристика человека, наше к нему отношение. «В семантике зооморфизмов соединены денотативный компонент, отражающий связь между знаком и понятием, и коннотативный, закрепляющий в структуре значения семы эмоции, оценки, образности и интенсивности проявления признака» [Устуньер 2004: 19].

Еще одной значимой чертой зооморфизмов является наличие национальной специфики. Это связано с самим механизмом метафорической экспансии: образ, ключевая сема, выбираемая в качестве основания для сравнения может не только не являться доминирующей для прямого значения, но и вовсе отсутствовать в дефиниции зоонима. Так, например, у зоонима *лиса* в словарном толковании нет указания на хитрость, в то время как зооморфизм *лиса* указывает именно на хитрого человека. Этот процесс назван Г.И. Складневской поэтапной (двойкой) квалификацией: «прежде чем назвать хитрого человека лисой, трусливого – зайцем, неуклюжего – медведем и т.п., нужно связать эти качества с животным – т.е. квалифицировать каждое животное соответствующим образом» [Складневская 1993: 48]. Авторы словаря «Русское культурное пространство» квалифицируют описываемое явление как три уровня значения, взаимосвязанных, но отличных друг от друга (первый уровень – прямое значение (условно называемое «обыденным»), второй уровень – «мифологическое» значение, закрепленное в традиционной народной культуре, третий уровень – стереотипный образ, актуализируемый при антропономинии) [РКП 2004: 27]. В разных культурах квалификация животных может сильно отличаться: «Живущие по соседству народы часто

используют схожие обозначения животных применительно к людям. Если национальные культуры отличаются значительно, наблюдаются расхождения в зоосравнениях. Так, у казахов *чибис* ассоциируется с жадностью, *сова* – с безалаберностью и рассеянностью, *пчела* – со злобностью и недовольством, *черепаха* – с ленью и беспечностью. В сознании русского таких ассоциаций нет» [Горелов, Седов 2001: 124]. Именно на этапе удвоения денотата, или на втором этапе квалификации и проявляется национальная специфика, уходящая своими корнями в мифологию, традиции устного народного творчества. Разные этапы квалификации, или разные уровни значений зооморфной лексики тесно взаимосвязаны и одновременно различны, «первое значение может быть условно названо «обыденным», это именование того или иного животного, второе – «мифологическим», оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах, мифопоэтических представлениях. На основании этих двух уровней формируется стереотипный образ, который и актуализируется при использовании зоонима для зооморфной характеристики человека» [РКП 2004: 27]. О.А. Корнилов указывает, что основание для метафорического переноса (*основание квалификации* в терминологии Е.М. Вольфа [Вольф 1978: 29] или *предмет квалификации* в терминологии В.Н. Телии [Телия 1981: 25]) «не может не быть детерминировано коллективным национальным языковым сознанием, включающим в себя в качестве составных частей и особенности национальной образности мышления, и национальную эстетику, и всю коннотативную зону языка...» [Корнилов 2003: 61 – 62]. В связи с этой особенностью существует целый ряд работ по сравнительному анализу зооморфных метафор в разных языках. На самом деле, можно смело утверждать, что абсолютное большинство научных трудов, посвященных зооморфизмам, выполнены на материале двух и более языков. Это актуально еще и потому, что являясь, с одной стороны, фрагментом национальной языковой картины мира, с другой - зооморфные метафоры есть языковые универсалии, «отражающие общую когнитивную тенденцию

антропометрической метафоризации, которая основана на механизме сравнения человека и животного» [Устуньер 2004: 47].

Помимо усложненной структуры переноса при метафоризации (удвоение денотата согласно [Склярская 1993] или три уровня значения по [РКП 2004]), зооморфизмы характеризуются многообразием оснований метафорического переноса. В научной литературе представлены различные классификации оснований переноса, подробнее рассмотрим две из них. И. Устуньер в своей работе предлагает следующее распределение зооморфных номинаций:

- характеристика внешности (неповоротливый, неуклюжий, толстый; стройный; тощий; рослый, нескладный; низкорослый, невзрачный; крепкий, сильный);
- особенности характера (кроткий; хищный; трудолюбивый; упрямый; безропотный; злой, коварный; трусливый; ленивый; жестокий, свирепый; неблагодарный; низкий, подлый; грубый; гордый; сильный; смелый, храбрый; хитрый);
- интеллектуальные характеристики (глупый, тупой; недалекий; повторяющий одно и то же; неразвитый; невежественный);
- поведенческие реакции (отличающийся от других; веселый, игривый; забияка, драчливый; бессловесный, выполняющий тяжелую работу; льстивый; склонный к подражанию; меняющий установки в угоду кому-либо; чванливый);
- физиологические особенности (рано встающий; поздно встающий; глухой; слепой; морозостойкий, закаленный; грязный, неряшливый; уставший, старый; молодой, резвый). Отметим, что характеристика по физиологическим особенностям – единственный подкласс, который содержит не только пейоративные и мелиоративные, но и нейтральные оценки (вне контекста), например, *жаворонок, сова, морж*.

- социальные оценки (мелкий, недостойный внимания, ничтожный; опытный, бывалый; неопытный; ротозей; ловкий человек, плут, пройдоха; делающий что-либо рьяно, азартно; косный, консервативный; человек, на котором все держится; кто бросает общее дело в трудный момент; готовый совершить низкие поступки; не имеющий своего мнения; тот, кто ведет себя распущено развязно; наживающийся за чужой счет; тот, кто имеет гордый и глупый вид; похотливый, сластолюбивый; непредсказуемый; уделяющий много внимания чему-либо незначительному).

В соответствии с приведенной классификацией, автор предлагает определять значения зооморфизмов следующим образом:

- Характеристика человека, своим нравом напоминающего животное.
- Характеристика человека, поведенческие реакции которого напоминают поведение животного.
- Характеристика человека, внешним видом напоминающего животное.
- Характеристика человека, физиологические особенности которого ассоциируются с каким-либо животным.
- Характеристика человека, интеллектуальные свойства которого ассоциируются с зооморфным «эталонном».
- Характеристика человека с точки зрения соответствия / несоответствия его поведения, образа жизни, профессиональной значимости и т.п. социальным нормам.
- Общая одобрительная характеристика человека через образ положительно оцениваемого животного.
- Общая неодобрительная характеристика человека через образ отрицательно оцениваемого животного. [Устуньер 2004: 43 – 46]

Один и тот же зооним может проходить метафоризацию по разным основаниям, вплоть до развития энантиосемии, так, например, иногда *свинья*

– это нечистоплотный человек (характер) (*Фу, ну и свиньи эти пираты! Все блюда руками перетрогали...*), а иногда это неблагодарный человек (социальные качества) (*Ну, Рябов, не знали мы, что ты такая свинья, - горько сказал полковник*); а собака может иметь пейоративную окраску (*Одевшись по всей форме, при орденах и медалях, стал по утрам подходить к зеркалу, вглядывался в свое отражение и злобно шипел.: «Армяшка! ...Грузинская собака!»*), а может, напротив, мелиоративную (*- Хорошо законспирировался, собака, - ответил Дор тоном, который соответствовал театральной ремарке «в сторону»*). О.В. Григоренко называет такие метафоры многозначными образными агентами [Григоренко 2003: 85].

Для классификации оснований метафорического переноса в исследовании использован каркас классификации Г.Н. Скляревской: 1) внешность; 2) характер; 3) поведение; 4) социальные качества; 5) прочие.

Г.Н. Скляревская в своей монографии делит все языковые метафоры (не только зооморфизмы) на две большие группы: языковые метафоры мелиоративной оценки и языковые метафоры пейоративной оценки, а дальнейшее разбиение на классы и подклассы производит с опорой на основание переноса. Приведем предлагаемую классификацию так, как она представлена в [Скляревская], но без примеров:

I. Языковая метафора мелиоративной оценки

1. Внешность (1.1. Красивый (привлекательный, нарядный и т.п.); 1.2. Высокого роста (+ стройный); 1.3. Крепкого сложения (+ коренастый); 1.4. Имеет свежий, бодрый вид)

2. Характер (2.1. Волевой; 2.2. Смелый, отважный; 2.3. Живой, активный)

3. Поведение (3.1. Подвижный, резвый)

4. Социальные качества (4.1. Наделенный властью, могущественный; 4.2. Играет важную роль в жизни общества (знаменитый, прославленный); 4.3. Опытный, умелый; 4.4. «Лучшие люди общества»; 4.5. Кого любят, кому поклоняются; 4.6. Ласковое обращение)

5. Прочие

II. Языковая метафора пейоративной оценки

A. Наименование человека

1. Внешность (1.1. Некрасивый (непривлекательный + нелепо, некрасиво одетый); 1.2. Низкорослый (+невзрачный); 1.3. Чрезмерно высокого роста; 1.4. Чрезмерно крепкого сложения (+ рослый, крупный); 1.5. Толстый, грузный; 1.6. Малоподвижный (неуклюжий + неповоротливый + нерасторопный + ленивый + невоспитанный + неумный); 1.7. Медлительный; 1.8. Худой (+ изнуренный, изможденный); 1.9. Немощный (+ дряхлый))

2. Характер (2.1. Безвольный (бесхарактерный + вялый + неэнергичный + ненаходчивый); 2.2. Робкий (+ боязливый + безответственный); 2.3. Бесчувственный, равнодушный; 2.4. Глупый; 2.4.1. Умственно ограниченный; 2.4.2. Несообразительный, бестолковый; 2.5. Упрямый; 2.6. Грубый; 2.7. Жестокий (мучитель); 2.8. Злой; 2.8.1. Сварливый; 2.8.2. Язвительный; 2.9. Коварный; 2.10. Скупой; 2.11. Нечистоплотный; 2.12. Угрюмый; 2.13. Хитрый (+ лицемерный); 2.14. Рассеянный; 2.15. Чрезмерно чувствительный)

3. Поведение (3.1. Вспыльчивый; 3.2. Болтливый (+ хвастливый); 3.3. Изнеженный (+ избалованный); 3.4. Надоедливый, навязчивый; 3.5. Нелюдимый; 3.6. Плут (+ ловкий); 3.7. Притворщик; 3.8. Задиристый)

4. Социальные качества (4.1. Место в обществе; 4.1.1. Занимает высокое общественное положение (+ высокомерный + важный); 4.1.2. Занимает низкое общественное положение (+ презираемый + ничтожный); 4.1.3. Не играет никакой роли в жизни общества; 4.1.4. «Худшие люди общества»; 4.2. Отношение к труду; 4.2.1. Пренебрегает трудом; 4.2.2. Выполняет тяжелую, грязную, неблагодарную работу; 4.2.3. Плохо (недобросовестно, неправильно и т.п.) выполняет свою работу; 4.3. Жизненный опыт; 4.3.1. Молодой, неопытный (+ наивный); 4.4. Жизненная позиция; 4.4.1. Не имеет устойчивых взглядов, твердого мнения; 4.4.2. Несамостоятельный, действует по воле других; 4.4.3. Раболепный,

зависимый; 4.5. Отношение к культуре; 4.5.1. Невежественный, некультурный; 4.6. Отношение к людям; 4.6.1. Эксплуатирует чужой труд; 4.6.2. Мучитель, угнетатель; 4.7. Кривляется, потешает других; 4.8. Обладает отталкивающим качествами)

5. Прочие

Б. Наименования частей тела [Скляревская 1993: 104 - 107]

Так как зооморфизмы относятся к характеризующим языковым метафорам, их подразделение на пейоративные и мелиоративные вполне логично. Но эти два класса несимметричны, очень отличны по своему объему. Существенный перевес пейоративных характеристик вполне закономерен как для оценочной лексики в целом [Лукьянова 1986: 121], так и для зооморфной метафоры в частности. «Отрицательные черты характера и свойства внешности человека гораздо чаще подвергаются оценке и метафорическому выражению через зооморфный образ, чем положительные. В этом проявляется общая тенденция оценочной параметризации мира, в которой фиксируется, прежде всего, то, что отклоняется от «нейтральной» точки в сторону отрицательного полюса шкалы «хорошо - плохо» [Устуньер 2004: 74]. Немногочисленность антропометрических метафор мелиоративной оценки отмечает также Г.Н. Скляревская [Скляревская 1993: 103]. В редких случаях зооморфизм может являться нейтральной номинацией, в таких случаях происходят структурные сдвиги внутри семантики зооморфизма, он утрачивает коннотативную составляющую, номинативная функция становится доминирующей, фактически, зооморфизм превращается в термин. «Функционируя в производственно-профессиональной деятельности как термины, зооморфизмы могут приобретать *безоценочный характер*» [Ватлецов 2001]. Например, *морж, сова, жаворонок*.

В своей работе мы принимаем широкое определение зооморфной метафоры, и, вслед за А.П. Чудиновым, будем понимать ее как «образ, восходящий к царству животных» [Чудинов 2001: 132]. А это значит, что в состав поля зооморфизмов могут входить не только названия животных, но и

птиц, насекомых, рыб в соответствии с «народной этнозоологией» [Устуньер 2004: 47].

1.4. Корпусный анализ. Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Сегодня корпусный анализ (корпусная лингвистика) является весьма востребованным методом исследования и понимается как относительно новый подход, имеющий дело с изучением реального функционирования языка с помощью компьютеров и электронных корпусов (В.П. Захаров, С.Ю. Богданова).

Под корпусом понимается «информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме» [НКРЯ]. Корпус не просто открывает новые возможности в сфере анализа фактов языка, он меняет исследовательские приоритеты и «отчасти даже взгляды на то, чем является язык и какие задачи изучения языка являются наиболее важными. ... С помощью корпуса стало возможно не только быстрее и эффективнее решать известные науке задачи, но и ставить принципиально новые задачи, ранее практически невыполнимые из-за их трудоемкости» [Плунгян 2005: 7 – 8; 14]. Говоря о современной корпусной идеологии, В.А. Плунгян отмечает ее принципиальную «нелитературоцентричность», или, иначе говоря, ориентацию на среднелитературную норму [Плунгян 2005: 13]. Это находит свое отражение в специфике любого национального корпуса: одной из важных его особенностей является сбалансированная представленность текстов, т.е. «корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке...» [НКРЯ]. При этом существуют следующие основные требования к параметрам корпуса: многомиллионный объем, наличие лингвистической разметки, доступность в сети Интернет.

Т.И. Резникова указывает на бурное развитие корпусных ресурсов для славянских языков, связанный с переосмыслением роли корпуса в

лингвистических исследованиях: «с осознанием важности корпуса как эффективного самостоятельного инструмента, коренным образом меняющего исследовательские возможности лингвиста в самых различных научных областях, создание корпусов стало актуальной задачей для широкого круга специалистов... Результатом их работы стало появление значительного числа лингвистических ресурсов, существенно преобразующих ситуацию в современной славистике» [Резникова 2009: 402 – 403].

Разработки в области современной корпусной лингвистики долгое время не охватывали русский язык, однако за последние годы ситуации в корне изменилась. Первым в открытом доступе появился Тюбингенский корпус, разработанный в университете Тюбингена и отличающийся эффективным языком запросов, но объем лингвистически размеченного языкового материала в нем сравнительно мал. В университете Хельсинки был разработан небольшой корпус ХАНКО (Хедльсинский аннотированный корпус русского языка), его главным достоинством является тщательная ручная разметка. В МГУ им. М.В. Ломоносова подготовлен специализированный Корпус русских газет. Кроме того, в Интернете сравнительно недавно появился Национальный корпус русского литературного языка, нацеленный на охват стандартной формы языка, но пока сильно ограниченный в возможностях [Резникова 2009: 436]. И, наконец, Национальный корпус русского языка (НКРЯ), на материале которого было выполнено настоящее исследование. НКРЯ – это объемное собрание разностилевых и разножанровых текстов, сбалансированное «по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода» [НКРЯ] и сопровождаемое дополнительной разметкой, позволяющей осуществлять выборку по лингвистическим критериям (морфологическим, синтаксическим, акцентологическим, графическим, тематическим признакам). Например, при помощи коррекции параметров поиска мы можем выбрать при необходимости все существительные, обозначающие «имена родства» (семантическая разметка), «мужского рода», в «творительном

падеже» (морфологическая разметка), в сочетаниях с «глаголами речи» (семантическая разметка). Таким образом, НКРЯ позволяет по нашим запросам получать статистически достоверную информацию о представленности в языке того или иного языкового явления.

Проект создания НКРЯ был поддержан особой программой РАН, и, начиная с 2004 г., над созданием этого корпуса работает большая группа лингвистов из различных научно-исследовательских институтов и вузов страны, при этом большинство участников данного проекта изначально не являлись специалистами по корпусной лингвистике (кроме С.А. Шарова). В силу некоторых обстоятельств, Корпус создавался в очень короткий срок и был ориентирован на сугубо прагматические установки. В настоящее время НКРЯ размещен на сайте www.ruscorpora.ru и открыт для свободного доступа. Лингвистическая разметка или аннотация – главная характеристика любого корпуса, отличающая его от простого собрания текстов, и чем она богаче и разнообразнее, тем выше учебная и научная ценность корпуса. В НКРЯ используется пять типов разметки: метатекстовая, синтаксическая, морфологическая (словоизменительная), семантическая и акцентная. Эта система разметки постоянно совершенствуется. Тексты, представленные в НКРЯ, охватывают период с середины XVIII до начала XXI века, среди них художественные тексты, публицистика, эссеистика, мемуары, научная и научно-популярная литературы, частная переписка, дневники, документы и т.д. В состав НКРЯ в настоящее время входят следующие подкорпуса: основной корпус (прозаические письменные тексты XVIII – начала XXI вв.), синтаксический (глубоко аннотированный) корпус (для каждого предложения в нем построена полная морфологическая и синтаксическая структура), газетный корпус (корпус современных СМИ, в котором представлены статьи 1990 – 2000-х гг.), параллельные корпуса (в них можно найти все переводы определенного слова или словосочетания на русский язык или с русского языка; в настоящее время для поиска доступны англо-русский, русско-английский, немецко-русский, украинско-русский, русско-

украинский, белорусско-русский, русско-белорусский и многоязычный параллельные корпуса), корпус диалектных текстов (включает запись диалектной речи различных регионов России с сохранением грамматической специфики), корпус поэтических текстов, обучающий корпус русского языка (корпус со снятой омонимией, разметка которого ориентирована на школьную программу русского языка), корпус устной речи (расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, транскрипты кинофильмов), акцентологический корпус (корпус истории русского ударения), мультимедийный корпус (фрагменты кинофильмов 1930 – 2000-х гг., снабженные видео- и аудиорядом) [НКРЯ]. Итак, в НКРЯ возможен поиск не только по морфологическим параметрам, но на материале определенного подмножества текстов, необходимого пользователю (тексты определенного, жанра, периода, автора и т.д. в любых комбинациях), например, В.А. Плунгян для демонстрации возможностей составления параметров запроса остроумно предлагает исследовать «тексты о спорте, написанные женщинами после 1955 года» [Плунгян 2005]. Стратегия дальнейшего развития НКРЯ базируется на двух магистральных направлениях: 1) пополнение Корпуса новыми текстами; 2) совершенствование инструментов поиска и программного обеспечения Корпуса (подробнее об этом см. в [Гришина, Плунгян 2005]).

Аннотация текстов в НКРЯ основана на таксономических категориях, понятных широкому кругу пользователей, что делает возможной работу с Корпусом для очень широкой целевой аудитории от профессиональных лингвистов до иностранцев, изучающих русский язык. Особую ценность национальному корпусу русского языка придает семантическая разметка текстов. «Семантическая разметка ориентирована на общую идею Корпуса, который был задуман не только и не просто как собрание текстов, но и как эффективный инструмент для решения разного рода научных задач. Наличие значительного по объему и общедоступного морфологически и семантически размеченного Корпуса русского языка создает качественно новые

возможности для лингвистических исследований», отмечают авторы корпуса [Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина 2005: 163]. При такой разметке большинству слов в тексте приписывается один или несколько семантических и словообразовательных признаков, например, 'лицо', 'вещество', 'пространство', 'скорость', 'движение', 'обладание', 'свойство человека', 'диминутив', 'отглагольное имя' и т.п. Используется фасетная классификация, при которой одно слово может попадать в несколько классов. На первом этапе поиск осуществляется по части имеющихся в словаре признаков.

Разметка текстов осуществляется автоматически с помощью программы Semmarkup (автор А. Е. Поляков) в соответствии с Семантическим словарем Корпуса. Поскольку ручная обработка семантически размеченных текстов очень трудоемка, семантическая омонимия в Корпусе не снимается: многозначным словам приписывается несколько альтернативных наборов семантических признаков [НКРЯ].

Ниже мы более детально рассмотрим специфику семантической разметки Национального корпуса русского языка.

1.5. Семантическая аннотация НКРЯ как таксономия лексики

Процедура классификации лежит в основе большинства современных методов лингвистических исследований. «Для описания структурных классификаций и самой процедуры классифицирования в лингвистике используется термин *таксономия*» [Лагута 2000]. Под таксономией понимается совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация [Виноградов // ЛЭС 1990: 504].

С позиций системного подхода к лексике таксономия является одним из базовых методов, так как его основная задача – описание системы языка: он «выявляет и описывает систему языка, которая в непосредственном опыте и наблюдении не дана, а выводится из языкового материала путем сложных

умозаключений» [Хроленко 2006: 441 – 442]. М.А. Кронгауз называет таксономию (классификацию, категоризацию) одним из «наиболее популярных частных методов семантического анализа», а также указывает на то, что «классифицирование языкового материала следует считать методом достижения некоторой семантической истины» [Кронгауз 2005: 77].

Как известно, термин *таксономия* был предложен в 1813 году Огюстеном Декандром, занимавшимся классификацией растений, и изначально применялся только в биологии. В лингвистике проблема классификации стояла, прежде всего, в аспекте лексикографических исследований и с целью идеографической систематизации словарного материала. Существует достаточное множество классификаций такого типа: ср. «Ситуативно-тематический словарь» Ф. Дорнзайфа, известную таксономию Р. Халлига и В. фон Вартбурга, таксономии, представленные в словарях «Лексическая основа русского языка» (авторы В. В. Морковкин, Н. О. Беме, И. А. Дорогонова, Т. Ф. Иванова, И. Д. Успенская 1984), «Идеографический словарь русского языка» (О. С. Баранов 1995), «Тематический словарь русского языка» (авторы Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин 2000), «Русский семантический словарь» (под ред. Н. Ю. Шведовой т. 1, 2000).

Значимо то, что во всех случаях в качестве основы таких таксономий выступает логическая классификация денотатов. Действительно, слова одного тематического класса способны проявлять сходство в поведении (метафорических переносах, деривационных характеристиках, сочетаемости и т.д.) [Шмелев 2002], однако такие классификации, во-первых, не покрывают все лексическое пространство, во-вторых, не позволяют в полной мере отразить языковую специфику. Во многом они зависят от установок исследователя или достижений в той или иной предметной области.

Попытки сформировать классификации, основанные на языковых принципах (в частности, метафорическом переносе) пока не очень эффективны. Например, в исследовании метафоры Г.Н. Складневской

сравнивается «языковая картина мира» по Р. Халлигу и В. Вартбургу с «метафорической картиной мира» [Скляревская 1993: 86-87], однако классы метафорической картины мира «совпадают» с классами «языковой картины мира», а метафоры выполняют роль иллюстрации таксонов (например, «языковая картина мира»: *небо и небесные тела*: 1. *небо и небесные тела*, 2. *погода и ветры* – «метафорическая картина мира»: *небо и небесные тела* 1. *звезда удачи*, 2. *ураган гнева*. При описании же продуктивных моделей используется другая, самая общая, классификация: *предмет - предмет*, *предмет - физический мир*, *предмет - психический мир*, не работает в ней и детально представленное в монографии описание семантических сфер.

Обратимся к семантической разметке НКРЯ. Роль семантического метаязыка выполняет набор семантических дескрипторов. Ввиду того, что Корпус ориентирован не только на специалистов в области лингвистики, но и на представителей других предметных областей, а также школьников, в качестве дескрипторов используются преимущественно слова естественного языка в их основных значениях. И лишь «в некоторых случаях приходится использовать лингвистические термины типа *каузация существования*» [Апресян, Богуславский, Иомдин и др. 2005: 205].

Исходя из деления всей лексики на предметную и предикатную, предусмотрен набор семантических дескрипторов для обоих классов. Кроме того, каждому из этих классов соответствует своя семантическая классификация: предметной лексике – таксономическая, предикатной – фундаментальная. «Предметные дескрипторы членят словарь не с научной, а с наивно-энциклопедической точки зрения. <...> Предикатные дескрипторы отражают фундаментальную семантическую классификацию предикатов» [Апресян, Богуславский, Иомдин и др. 2005]. Все дескрипторы (и предметные, и предикатные) делятся на родовые (*genus proximum*), выраженные существительными (например, *действие*, *свойство*, *животное*), и видовые (*differentia specifica*), выраженные прилагательными (например, *социальный*, *физиологический*, *ментальный*).

Авторы Корпуса исходят из того, что «лексика языка утроена как почти непрерывная сеть, а не строгая иерархия» [Апресян, Богуславский, Иомдин и др. 2005: 210], чем продиктована стратегия совмещения фасетного и древесного принципов классификации [Рахилина, Кустова, Ляшевская и др. 2009], т.е. одно слово может попадать в разные семантические классы (*нос* – «части тела и органы человека», *нос* – «части транспортных средств»). Здесь возникает другая проблема для лингвистических исследований, опирающихся на корпусные данные – семантической неоднозначности, особенно актуальной в области семантических переходов (метонимических и метафорических сдвигов), т.е. важнейшая особенность языкового поведения лексической единицы не находит своего отражения в таксономиях НКРЯ.

1.6. Проблема дизамбигуации в корпусной лингвистике

Дизамбигуация (от англ. *disambiguation* – устранение противоречий) понимается как составляющая поисковых алгоритмов, призванная разрешить лексическую многозначность, это также непосредственно метод выбора значения многозначного слова (фактически многозначность при этом трактуется как омонимия) с опорой на контекст. Дизамбигуация рассматривается также как задача (проблема), разрешение которой призвано увеличить релевантности выдачи поисковых систем. Сам факт проблемности процесса дизамбигуации связан со сложностью обработки естественного языка при помощи автоматических программ.

Проблема фиксации отдельных значений слов в корпусе (*word sense disambiguation*) описывается в ряде публикаций (например, [Апресян, Богуславский, Иомдин и др. 2005], [Кобрицов, Ляшевская, Толдова], [Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина Е. В. 2005], [Кустова, Толдова 2009]). Известны два основных способа ее решения:

1) вручную. В этом случае вполне успешно решается прагматическая задача, а именно: снижение уровня шума в результатах поиска. На данный момент такая работа проделана по отношению к 6 млн. словоупотреблений,

что составляет менее 2 % от общего количества. Но и в будущем этот процент будет только уменьшаться, поскольку скорость пополнения НКРЯ значительно выше скорости снятия неоднозначности вручную.

2) на основе автоматической семантической дизамбигуации в тексте, что предполагает «создание системы лингвистических фильтров, которые бы позволили снимать неоднозначность для классов лексем». [Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина 2005]. Успешность поиска такого рода фильтров детерминирована уровнем системного описания полисемии, в свою очередь, фильтры «имеют самостоятельное значение» для дальнейшего развития лексической семантики [Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина 2005: 167].

Например, фильтры для слов *туча*, *куча*, *груда*, *горстка*, *капля*, идентифицирующие их как «физический объект» / «квантификатор», имеют следующий вид:

туча без следующего за ним сущ. в род. падеже → {физический объект} *грозовая туча*

туча + сущ. Род. п → {квантификатор} туча народа

куча + сущ.: вещество: сыпучее → {квантификатор} куча песка

[Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина 2005: 170]

и т.д.

Выводы по первой главе

Итак, подведем некоторый итог изложенным рассуждениям. На наш взгляд, в современной лингвистике наблюдается смена лексико-семантической парадигмы, которая обусловлена изменением центрального лексического объекта и сменой прагматических установок: а именно, ориентацией на корпусные возможности и корпусные потребности. Изменение парадигмы не привело к смене системных принципов, плюралистичность которых заложена многомерностью самой лексической системы. Для описания нового объекта большую роль играет адекватная ему

таксономия, в совокупности с фильтрами (как альянс синтагматического и парадигматического описания) играющая роль метафорической разметки текста [Трофимова, Нагорная 2013].

Поиск лингвистических фильтров - достойная задача современных исследований в области полисемии. Однако фильтры описывают синтагматический аспект системных отношений. Неудивительно, что, как отмечают Г.И. Кустова и С.Ю. Толдоева, «один и тот же семантический признак актанта для одних глаголов может быть решающим, а для других – ни в коем случае не снижать их многозначности». [Кустова, Толдова 2009: 271]. С этой точки зрения интересно замечание Д.Н. Шмелева: «языковые метафоры чаще всего основываются на таких уподоблениях, которые не нуждаются в каких-либо контекстных обоснованиях, вернее – контекстом для которых служат, с одной стороны, серии аналогичных образований, уже существующих в языке (из наиболее очевидных примеров ср. обозначение различных неодушевленных предметов и их частей при помощи слов, обозначающих части тела, например *хребет, нос, ножка, горлышко, спинка* и т.п. и более новые *волосок, палец* – в механизме, приборе и т.п.)» [Шмелев 2002: 204]. Следовательно, в системном описании полисемии большую (или даже *большую*) роль играет таксономическое описание лексики и метафорическая модель - одно из важнейших системных понятий современной лингвистики.

Препятствием к такому описанию является семантическая разметка корпуса, не приспособленная для нужд метафорического анализа. При решении, по сути, новых задач используются традиционные принципы систематизации.

Наша работа – это попытка приблизиться к решению такого рода проблем. В исследовании будут верифицироваться следующие гипотезы:

а) о множественности семантических таксономий в корпусе и их связи – таким образом, использовании в разных полях таксонов разных классификаций, что позволит детализировать исследуемую группу слов; в

качестве примера можно привести связь модели *животное – человек* с гендерной дифференциацией;

б) о полевой организации метафорического таксона: неравноправие разных единиц лексических классов с точки зрения их метафорического потенциала;

в) о сопряжении лексических и грамматических (морфологических, синтаксических) признаков – речь идет о реализации метафорических значений в связанных конструкциях [Трофимова, Нагорная 2013].

Мы полагаем, что возможно в результате анализа функционирования языковой метафоры в тексте выявить ряд фильтров для создания поискового запроса, позволяющих снизить уровень «шума» в выдаваемом по запросу материале. Естественно, что такого рода задача не может быть решена в рамках одного исследования. Во второй главе изложенные принципы подхода к проблеме будут реализованы на материале метафорической модели *животное → человек*.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ЗООМРФИЗМОВ

Во второй главе будут представлены основные этапы проведенного исследования и полученные результаты.

Если мы посмотрим на семантическую разметку НКРЯ через призму достижений в области метафорического моделирования, то неизбежно придем к выводу о невозможности корпусного исследования эволюции метафорических процессов. Во-первых, большая часть корпуса – тексты с неснятой омонимией. Другой проблемой является невозможность исследования представленности той или иной модели из-за отсутствия соответствующих таксонов в семантической разметке.

Таким образом, вводя классы слов в поисковой системе Корпуса, нам не удастся установить актуальность той или иной метафорической модели, а приходится работать с каждым словом отдельно, а далее прорабатывать каждый контекст, то есть «вручную» снимать омонимию и вычленять во всем многообразии предлагаемых текстов только те, в которых слово входит в ту или иную метафорическую модель.

Целью данной работы – попытаться выявить вероятные языковые маркеры, актуальные для опознания корпусом зооморфизмов. Цель достигалась путем лексикографического и корпусного исследования метафорического поля зооморфизмов.

Для системного исследования модель *животное - человек* обладает определенными достоинствами: во-первых, она достаточно высокочастотна и регулярна в узусе, при этом разнообразна по основаниям переноса (внешние черты, поведение, черты характера, оценка), во-вторых, как элемент таксономии *животные* - это закрытый класс с денотативно фиксированными единицами (и наличием таксона «животные» в таксономии корпуса), в-третьих, реализация модели может осуществляться в различных грамматических классах (*свинский поступок, щебетать ни о чем*), кроме того, сама семантическая сфера животных вполне разнородна («роды

животных» - например, *скотина*, «виды» - *акула*, «детеныши» - *поросенок*, «пища» - *пойло*, «жилище» - *хлев*, «группы» *стаяка* и т.д. [Скляревская, С. 78-79]), в-четвертых, при реализации модели играют роль разного рода признаки - синтаксические, графические, лексические (дистрибуция), грамматические и т.д. Также, что этот тип переноса обладает национальной спецификой, которая может модифицироваться в ходе эволюции русского языка.

Несмотря на то, что зоонимы являются закрытым лексическим классом, объем его весьма обширен. Поэтому на первом этапе исследования перед нами стояла задача искусственного сужения списочного состава материала. И основополагающим признаком для отбора материала нами была избрана кодифицированность (представленность в словаре) и лишь для незначительного количества единиц «пропуском» послужила узуальность. Таким образом, первый этап нашего исследования составила работа со словарями (лексикографический анализ зоонимов). Вторым этапом работы стал корпусный анализ зооморфной лексики, который, в свою очередь, включает в себя несколько этапов исследования материала с различных позиций.

2.1. Лексикографический анализ зоонимов

Для проведения лексикографического анализа нами были избраны три словаря, довольно сильно отличающихся друг от друга: Словарь русского языка С.И. Ожегова (далее СО) [53], Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (далее МАС) [66], Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова (далее РКП) [63].

Словарь С.И. Ожегова был избран нами потому, что это словарь общего назначения («нормативный» в терминологии Л.В. Щербы) и «толкование в нем, т.е. объяснение значения слова, максимально приближено к тому, как склонны понимать то или иное слово обычные носители русского

языка» [Фрумкина 2008: 44]. Если рассматривать СО с позиции Л.В. Щербы, то это типичный «нормативный» словарь, так как в словарных толкованиях представлены те аспекты значения, которые «являются факторами в процессе речевого общения» [Щерба 1974: 281]. Специфика СО в том, что он, будучи создан лингвистами, адресован любому, всякому носителю языка, для которого русский язык – родной. Все вышесказанное определяет характер представленных в словаре дефиниций: если традиционно толкование значения слова должно включать отсылку к родовому имени и видовое отличие, то в словаре, целевой аудиторией которого является «наивный» носитель языка, такая структура не является обязательной, так, «родовое имя нередко опускается, а видовое отличие может замещаться указанием на функцию, которую выполняет данный предмет» [Фрумкина 2008: 47]. Следствием такого подхода является отсутствие жесткой структуры, универсального принципа в толковании слов. В предисловии к девятому изданию Н.Ю. Шведова указывает на отсутствие «полной унификации толкований слов, принадлежащих к одним и тем же грамматическим, словообразовательным, лексико-грамматическим и семантическим категориям» и поясняет, что ее осуществление «означало бы создание ... словаря другого типа. (...) Специальная проверка показала, что строго единообразно толкование таких слов (*предметной лексики, цветообозначений – Т.Н.*) на основе единой системы признаков не только не всегда возможно, но иногда и не нужно: необходимая информация часто содержится в иллюстративном речении, во включенном в статью производном слове или фразеологизме» [Ожегов 1986: 7]. Таким образом, дефиниции зоонимов и их метафорическое значение (если оно зафиксировано) представлены по-разному. Например, **КОРОВА**, *-ы, ж. 1. Самка крупных жвачных парнокопытных животных сем. полорогих (быков), а также нек-рых других парнокопытных (напр., лося, оленя). 2. Домашнее молочное животное, самка домашнего быка. Породистая к. Стадо коров. У коровы молоко на языке (посл.: хороший удой зависит от хорошего корма).*

Чья бы к. мычала, а чья бы молчала (посл. о том, кому лучше бы помолчать о других, т. к. сам небезгрешен). Как к. языком слизнула кого-что-к. (о том, кто (что) куда-то делся (делось), неизвестно где находится; прост. шутл.). Как к. на льду кто-н. (о том, кто скользит, у кого разъезжаются ноги; разг. шутл.). Как корове седло идет что-н. ко-му-н. (обычно об одежде: совершенно не идет, не к лицу или не годится; прост, не одобр.). Как на корове седло сидит что-н. на ком-н. (о нескладно сидящей одежде; прост, неодобр.). К. на заборе (о неуклюжем всаднике: разг. пренебр.). **Этакая к. (перен.: о толстой, неуклюжей женщине; прост, пренебр.).** * Морская (стеллерова) корова - вымершее водное млекопитающее отряда сирен. // уменьш. коровка, -и, ж. (ко 2 знач.). // ласк. коровушка, -и, ж. (ко 2 знач.). // прил. коровий, -ья, -ье. К. хлев. Коровье молоко.

ЛОШАДЬ, -и,мн. -и, -ей, -ям, -дьми и -дьми, -ях, ж. Крупное непарнокопытное животное сем. лошадиных. Домашняя л. Дикая л. Верховая л. Пара лошадей. Запрягать лошадей. Седлать л. Ехать на лошадях. Работать как л. (много и тяжело). **Ну и л. эта баба (о крупной и нескладной женщине; разг., неодобр.).** // уменьш. лошадка, -и, ж. * Темная лошадка (разг.) - о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны. Рабочая лошадка (разг.) - о трудолюбивом человеке, безотказном работнике. // унич. лошаденка, -и, ж. // прил. лошадиный, -ая, -ое. Лошадиное здоровье (перен.: очень крепкое). Лошадиное лицо (перен.: с тяжелой и вытянутой нижней частью). * Лошадиная сила - единица мощности (двигателя, машины, равная 736 ваттам). Лошадиная фамилия (разг. шутл.) - о том, что хорошо знакомо, но никак не удается вспомнить [по одноименному рассказу А. П. Чехова].

МЕДВЕДЬ, -я, м. 1. Крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами, а также его мех. Белый м. Бурый м. Двум медведям в одной берлоге не ужиться (посл.). Делить шкуру неубитого медведя (погов. о тех, кто делит между собой доходы, выгоды, к-рых еще нет и, возможно, вообще не будет; разг. ирон.). М. на ухо наступил кому-н.

(о том, кто полностью лишен музыкального слуха; разг. шутл.). **2. перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.).** // прил. *медвежий*, -ья, -ье. Семейство *медвежьих* (сущ.)* *Медвежий угол* - захолустье. *Медвежья болезнь* (разг.) - расстройство кишечника при волнении, испуге. *Медвежьи объятия* (разг. шутл.) - тяжелые и неловкие. *Медвежья услуга* - неловкая помощь, услуга, причиняющая только вред. [СО]

Отбор зооморфизмов по СО проводился методом сплошной выборки. Были отобраны следующие единицы: *баран, буйвол, выдра, ехидна, животное, зверь, кит, корова, лиса, лошадь, мастодонт, медведь, морж, обезьяна, осел, паразит, птица, рыба, свинья, скотина, собака, тюлень, червяк.*

Далее мы работали с лингвокультурологическим словарем «Русское культурное пространство» (РКП), который выполнен в рамках научно-исследовательского проекта «Русское культурное пространство: Человек и Мир» и издан при участии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В словаре представлены единицы, которые, будучи широко представлены в фольклоре и обучающей литературе, представляют специфику русской картины мира и ее отражения в языке. В словаре около 200 словарных статей, каждая из которых содержит краткую информацию, относящуюся к общегуманитарным энциклопедическим знаниям; стереотипное представление феномена, бытующее в русском языковом сознании; функционирование единицы в речи, контексты употребления. Представлен богатый иллюстративный материал из современного русского дискурса [РКП 2004]. Словарь состоит из следующих разделов: зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания. Весь представленный в словаре список зооморфизмов был включен в материал исследования. Словарные статьи в разделе «Зооморфные образы» имеют единообразную (довольно сложную и очень объемную) структуру. Например (дефиниция приводится в усеченном виде, без контекстов), **КОРОВА** – *относится к числу русских мифологических образов*

(1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3). (...) **3.** Современные русские могут называть **коровой** или обращаться к образу *К.* для характеристики:

- *полной, грузной, тяжеловесной женщины;*
- *неповоротливого человека (как правило, женщины) или группы лиц, которые делают что-либо неуклюже, неизящно, неловко (как корова на льду);*
- *человека по его поведению или действиям человека, напоминающих поведение *К.* (напр.: мычать как корова; жевать как корова; покорная корова и др.)*

ЛОШАДЬ (КОНЬ) – относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3). (...) **3.** Современные русские могут обращаться к образу *Л.* при характеристике:

- *девушки или молодой женщины крупного телосложения, крепкой и сильной физически (лошадь, кобыла, кобылица);*
- *человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади;*
- *движений человека, в которых обнаруживается сходство с движениями этого животного;*
- *человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращение к образу жеребенка) или любовь к свободе и обузданный нрав.*

МЕДВЕДЬ – относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3). (...) **3.** Современные русские могут называть медведем или обращаться к образу *М.* для характеристики:

- *неуклюжего (как физически, так и нравственно) человека, непреднамеренно грубого и неделикатного; человека неотесанного, не умеющего вести себя, идущего напролом;*

- *крупного, физически сильного человека;*
- *человека, отстраняющегося от какой-либо активной деятельности, не любящего покидать свое жилище. [РКП]*

Всего в словаре представлено 60 зооморфных единиц, десять из них составляют пересечение с материалом, отобранным из СО.

И, наконец, Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) как пример традиционного лексикографического труда. Мы работали со вторым изданием словаря (1981 - 1984), вышедшим через двадцать лет после первого издания (1957 - 1961). Базой при подготовке второго издания служила картотека Словарного сектора Института русского языка, непрерывно и систематически пополняемая цитатами, а также картотека, специально созданная для работы над вторым изданием. Данный словарь ориентирован на охват общеупотребительной лексики и предназначен для широкого круга читателей [Словарь русского языка 1981]. Словарные дефиниции по возможности единообразны, и если зооним «замечен» за функционированием в качестве зооморфизма, то его переносное, метафорическое значение фиксируется под цифрой два почти во всех случаях. Например, **КОРОВА** - *-ы, ж 1. Крупное домашнее молочное животное, самка быка. Молочная корова. Бодливая корова. || Самка некоторых пород крупных рогатых животных (например: лося, оленя). Недалеко от берега охотники встретили насшееся семейство оленей — корову и двух безрогих телят. Соколов-Микитов, Путь корабля. 2. Груб. прост. О толстой неуклюжей, а также неумной женщине. — Разве умеет [сестра] свои выгоды соблюсти? Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними — все ухмыляется. И. Гончаров, Обломов. ◇ Дойная корова см. дойный. Будто корова языком слизнула см. слизнуть. Идет (или пристало) как (к) корове седло; сидит как на корове седло см. седло.*

МЕДВЕДЬ, *-я, м 1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. Бурый медведь. Белый медведь. Самый крупный обитатель наших лесов —*

медведь — спит зимой в своей берлоге, в глухой лесной чаще. С. Огнев, Жизнь леса. // Разг. устар. *Мех* этого животного, а также изделие из такого меха. 2. Разг. **О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем человеке.** Когда Сергей подошел к Ирине, она встала и сказала: — Эх, медведь! Руки — как грабли... Еще уронишь [ребенка]! Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды. — Алеша, братишка, ты ли? Ох, раздавил меня, медведь! Да откуда ты такой взялся! Ты же маленький был. Николаева, Жатва. // **О невоспитанном человеке** [Хлестаков:] К ним если приедет какой-нибудь --- помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. Гоголь, Ревизор. Новый начальник --- имел репутацию медведя в обращении. Л. Толстой, Анна Каренина. ◇ **Медведь на ухо наступил** кому см. наступить. **Делить шкуру неубитого медведя** см. делить. **Смотреть (или глядеть) медведем** — быть, казаться нелюдимым, угрюмым.

Все единицы, отобранные на предыдущих этапах работы со словарями, были проверены на наличие метафорического значения в МАС. Кроме того, добавлен зооморфизм *кабан*, для которого в МАС зафиксирована возможность употребления применительно к человеку. И зооморфизм *хряк*, его метафорическое функционирование не отмечено в рассмотренных словарях, но присутствует в узусе, оно «всплыло» в процессе работы с НКРЯ и было добавлено к исследуемому материалу.

В результате был получен 75-словный список (см. Приложение 1): *аист, баран, боров, буйвол, бык, вол, волк, воробей, ворона, выдра, голубь, ехидна, жаба, жаворонок, животное, жираф, заяц, зверь, змея, индюк, ишак, кабан, кит, клоп, кобыла, коза, козел, корова, коршун* и др. Метафорическое значение (или его отсутствие) вышеперечисленных зоонимов было для удобства внесено в таблицу (см. Приложение 2). Для иллюстрации приведем фрагмент таблицы:

Представленность метафорических значений зоонимов в словарях разного типа

Зооморфн. образ	РКП	СО	МАС
1. Аист	При характеристике позы человека, напоминающей «излюбленную» позу этой птицы; при характеристике походки человека, напоминающей движения этой птицы, когда при ходьбе человек высоко поднимает колени	-	-
2. Баран	При характеристике человека очень глупого, «тупого», упрямого; человека, покорного судьбе и/или не сопротивляющегося обстоятельствам; человека с очень кудрявыми волосами	Глуп как б. Как б. на новые ворота (смотрит, уставился: ничего не понимая; разг. неодобр.). Стадо баранов (также перен.: о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-чем-н.; разг. пренебр.).*	Как б. на новые ворота (уставиться, смотреть и т.д.)(прост. Пренебр.) – стать в тупик, столкнувшись с чем-либо новым, неожиданным. Не б.начихал (в знач. Сказ.; прост.) – не пустяк (пустяки), а нечто значительное, важное, с чем следует считаться, о чем надо думать. Стадо баранов (прост. Пренебр.) – о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.
3. Боров	См. свинья	Ну и б.! (перен.: о толстом, неповоротливом человеке; прост, пре-небр.).	1.... IIIПрост. О толстом, неповоротливом человеке.
4. Буйвол	-	Ну и б. этот мужик! (перен.: о грузном, толстом человеке; прост.).	-
5. Бык	При характеристике человека, проявляющего непоколебимое упрямство в сочетании с силой и внутренней готовностью дать отпор; человека, движения и внешность которого вызывают ассоциации с этим животным; человека, поведение которого сопоставляется с (агрессивным) поведением Б., отождествляется или противопоставляется ему	-	Здоров как б. – о человеке с очень крепким здоровьем

Мы видим, что способы фиксации непрямого значения не единообразны. Функционирование зоонима в качестве зооморфизма может быть представлено через вхождение в устойчивое выражение, фразеологизм, например, как *баран на новые ворота, морской волк, стреляный воробей*. В таких случаях реализация метафорического значения не подвергается нумерации, а просто дается в конце словарной статьи, в скобках указывается значение фразеологизма, а также стилистические пометы, если они есть: *Ну и лошадь эта баба (о крупной и нескладной женщине; разг., неодобр.)*. Зооморфизм может быть представлен в словарной дефиниции под цифрой 2 (реже – 3, 4), например, **Осел** 2.прост. *О глупом, тупом, упрямом человеке*. Если зооморфизм способен развивать несколько метафорических значений, то они могут фиксироваться просто в перечислительном порядке: **Свинья** 4. перен. *О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.)*. Или же нумероваться отдельно, например, **Обезьяна** 2. разг. *О человеке, который подражает другим, передразнивает других. О том, кто гримасничает, кривляется*. 3. разг. *Об очень некрасивом человеке*. Значение одного зооморфизма также может быть представлено по-разному в рассматриваемых словарях. Кроме того, зооморфизмы имеют разную степень кодифицированности. Часть из них зафиксирована во всех трех словарях, такие единицы составляют ядро поля кодифицированности: *баран, боров, вол, волк, воробей, ворона, заяц, змея, ишак, клоп, кобыла, козел, корова, кошка, крыса, ласточка, лиса, медведь, овца, орел, осел, петух, попугай, рыба, свинья, слон, собака, сорока, червяк, щенок*. Метафорическое использование следующих зоонимов зафиксировано в двух словарях: *бык, выдра, голубь, ехидна, жаворонок, животное, зверь, индюк, кит, коза, кот, курица, лебедь, лошадь, львица, мастодонт, морж, мышь, обезьяна, паразит, паук, птица, скотина, сова, сокол, тюлень, ястреб*. Остальные единицы нашего списка, соответственно, зафиксированы только в одном словаре. Зооморфизм *хряк* не кодифицирован ни в одном из трех словарей. Дальнейший анализ и построение поля на основе частотности употребления

по данным НКРЯ покажет слабую корреляцию между кодифицированностью и употребляемостью.

2.2. Корпусный анализ зооморфизмов

Работа с НКРЯ проходила в несколько этапов и охватывала разные аспекты рассматриваемой проблемы. Первый этап корпусного анализа составила работа в основном корпусе НКРЯ с зоонимами, отобранными в ходе лексикографического анализа с целью получения частотностных данных, характеризующих активность функционирования той или иной лексемы. Полученные данные верифицировались через сопоставление с данными частотностных словарей. Второй этап корпусного анализа – сплошная выборка из всех предоставленных по запросу контекстов таких, в которых зооним выступает в качестве метафорической номинации человека. На данном этапе работы были выявлены параметры отрицательного материала, а также отобраны контексты с зоометафорами для дальнейшего анализа: для каждого зоонима проработано 100 первых контекстов. Третий этап корпусного анализа в нашем исследовании – построение поля исследуемой зооморфной лексики по результатам предшествующей сплошной выборки, наибольший интерес для изучения представляют ядерные единицы поля зооморфизмов. На следующем этапе для некоторых единиц производилась более глубокая выборка, вплоть до проработки всех предоставленных по запросу контекстов с целью выявления особенностей функционирования и формально выраженных маркеров метафорического употребления зоонима. На основе проведенной работы была выявлена частотность конструкции «мест.-прил.+животное», анализу такого рода сочетаний был посвящен следующий этап корпусного исследования материала. Завершающим этапом исследование стало денотативно – сигнификативный анализ ядерных единиц поля зооморфизмов с целью выявить значимые маркеры, которые можно было бы рассматривать с

позиций системности и применять при работе с зооморфными метафорами в НКРЯ для увеличения релевантности поисковых запросов.

Итак, на первом этапе работы нами были получены контексты основного корпуса НКРЯ с 75 лексемами – зоонимами. Мы работали только с Основным корпусом НКРЯ, ориентированным на среднелитературную норму, выдача контекстов в нем производится в хронологическом порядке, начиная с самых современных текстов. По каждому запросу было получено определенное число контекстов и вхождений, числовые данные ранжированы нами по убыванию. Представленность лексем распределилась следующим образом:

Таблица 2

Частотность (число вхождений) зоонимов по данным основного корпуса НКРЯ

Зооморфизм	НКРЯ
1. Лошадь	46946
2. Собака	34414
3. Животное	27706
4. Птица	25733
5. Лев	23898
6. Рыба	22088
7. Сорока	20392
8. Зверь	15962
9. Волк	11964
10.Корова	10952
11.Кошка	10268
12.Орел	9893
13.Вол	9607
14.Медведь	9045
15.Кот	8731
16.Курица	8443
17.Змея	8318
18.Муха	7567
19.Мышь	7207
20.Козел	6851
21.Свинья	6522
22.Бык	6463
23.Заяц	6400

24.Ворон	5717
25.Ворона	5455
26.Овца	5323
27.Петух	5279
28.Слон	4918
29.Соловей	4874
30.Обезьяна	4203
31.Голубь	4166
32.Воробей	4153
33.Крыса	4148
34.Сокол	4002
35.Коза	3989
36.Щенок	3773
37.Баран	3745
38.Скотина	3582
39.Муравей	3556
40.Осел	3435
41.Лебедь	3379
42.Кролик	2972
43.Сова	2790
44.Кит	2336
45.Паук	2312
46.Лиса	2245
47.Цыпленок	2108
48.Попугай	2078
49.Кобыла	2026
50.Ласточка	1908
51.Клоп	1692
52.Коршун	1682
53.Кабан	1538
54.Паразит	1453
55.Ястреб	1380
56.Крот	1248
57.Кукушка	1229
58.Жаворонок	1192
59.Жаба	1155
60.Червяк	1144
61.Тюлень	873
62.Хорек	814
63.Буйвол	663
64.Улитка	640
65.Аист	555
66.Боров	524

67.Жираф	505
68.Морж	469
69.Индюк	379
70.Львица	371
71.Ишак	325
72.Выдра	323
73.Ехидна	240
74.Мастодонт	184
75.Хряк	182

Ядерными с точки зрения частотности являются зоонимы *собака, лошадь, животное, птица, лев, рыба, зверь*. Исключаем из ядра зооним *сорока* из-за совпадения с формой творительного падежа числительного *сорок*.

Для проверки уровня достоверности полученных данных было проведено сопоставление показаний частотности рассматриваемых лексем по Частотному словарю русского языка под редакцией Л.Н. Засориной [81] и Частотному словарю современного русского языка, созданному О.Н. Ляшевской и С.А. Шаровым по материалам НКРЯ [50]. В *Таблице 3* представлены сопоставляемые данные. При подсчете коэффициента корреляции получено значение 0,85. Мы также произвели ранжирование по частотности показаний словарей с целью выделения ядерных позиций (см. *Приложение 3*) и при сопоставлении всех трех полей получили очень плотное пересечение: все перечисленные выше зоонимы вошли в ядро частотности трех выстроенных полей. Такой высокий коэффициент корреляции и пересечение ядерных единиц позволяет судить о том, что полученные в ходе работы с материалом в НКРЯ данные частотности являются достоверными.

Таблица 3

Частотность зоонимов по данным Частотного словаря русского языка под ред. Л.Н. Засориной (1977 г.) и Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (2009 г.)

Зооморфизм	1977 г.	2009 г.
-------------------	----------------	----------------

Аист	-	3.1
Баран	8	8.9
Боров	2	1.6
Буйвол	2	2.3
Бык	68	22.2
Вол	8	3.0
Волк	35	36.1
Воробей	29	14.5
Ворон	4	5.3
Ворона	8	12.6
Выдра	3	1.1
Голубь	15	13.7
Ехидна	2	-
Жаба	-	4.4
Жаворонок	6	3.0
Животное	57	95.9
Жираф	-	2.6
Заяц	43	21.7
Зверь	77	49.1
Змея	3	20.5
Индюк	3	1.5
Ишак	2	1.5
Кабан	5	5.3
Кит	8	10.7
Клоп	13	6.6
Кобыла	8	5.8
Коза	10	16.2
Козел	51	19.5
Корова	75	44.8
Коршун	9	2.3
Кот	27	40.3
Кошка	38	50.4
Кролик	30	11.9
Крот	2	6.0
Крыса	34	17.7
Кукушка	13	4.6
Курица	26	33.1
Ласточка	6	6.4
Лебедь	8	14.9
Лев	16	64.3
Лиса	8	8.7
Лошадь	126	80.9
Львица	4	1.3

Мастодонт	1	0.7
Медведь	40	33.4
Морж	-	2.6
Муравей	9	12.1
Муха	48	27.1
Мышь	38	37.0
Обезьяна	15	17.4
Овца	33	17.5
Орел	12	19.7
Осел	15	7.5
Паразит	6	5.6
Паук	3	9.9
Петух	18	16.0
Попугай	4	10.1
Птица	118	94.5
Рыба	100	86.0
Свинья	40	23.1
Скотина	19	11.0
Слон	13	23.8
Собака	109	132.2
Сова	2	8.5
Сокол	16	8.2
Соловей	6	7.9
Сорока	8	5.8
Тюлень	-	2.6
Улитка	4	0.6
Хорек	4	5.9
Хряк	-	1.6
Цыпленок	12	6.8
Червяк	5	4.4
Щенок	8	20.9
Ястреб	21	3.6

На втором этапе производился методом сплошной выборки отбор контекстов с зооморфными метафорами. Цель такой выборки исключить отрицательный материал.

Поясним, какой материал мы считали отрицательным (т.н. «шум») и не включали в исследование. Во-первых, это, конечно, контексты с зоонимами в прямом значении, например, *Спасает нас корова. Ее тёлкой мужу выдали вместо зарплаты.* Во-вторых, контексты со сравнительными

конструкциями (с *как*), например, *Катю он держал за плечо, не отпуская, и она млела под рукой, как корова*. Такого рода употребления не являются метафорическими, но они очень близки, если вспомнить структуру метафорического переноса, то сравнения с *как* - это своего рода «предметафора», то есть в них не завершен процесс метафоризации. Как правило, в научной литературе метафора описывается как усеченное, свернутое сравнение, а сравнения, соответственно, как развернутая метафора: «Такого рода конструкции можно рассматривать как развернутые ономазиологические пропозиции, свертывание которых приводит к появлению собственно метафорических номинации. Ср.: *труслив как заяц - заяц* (о трусливом человеке)» [Устуньер 2004:72]. «Если метафора кажется рискованной, надо превратить ее в сравнение. Это будет безопасней. Сравнение есть расширенная метафора. Если прибавить слово «как», получается сравнение и оборот становится менее смелым; без этого слова он будет метафорой и более рискованным» [Квинтилиан 1978: 35]. Контексты с творительным сравнения также не были включены в исследование, такие как, например, *К тому же они бывают очень чудаковатые: черные сомалийцы, немногим более светлые марокканцы, да еще и диковатые ортодоксы, смотрящие волком из-под полей черных шляп*. Конечно, такого рода конструкции очень близки к метафоре, даже ближе, чем сравнения с «как», А.А. Зализняк даже указывает на то, что «этот тип значения творительного падежа должен был бы называться «творительный метафорический» [Зализняк 2006: 354]. Но все же это еще не метафора, между ними существуют отличия, и главное из них – преходящий характер сходства в конструкциях с творительным сравнения, в отличие от метафоры, фиксирующей устойчивые, постоянные свойства. На шкале от подобия к тождеству сравнения с «как», творительный сравнения и метафора следуют друг за другом, таким образом, «творительный сравнения находится где-то посередине между метафорой и сравнительной конструкцией с *как*» [Зализняк 2006: 354 – 355]. К отрицательному материалу также были

отнесены контексты, в которых антропономинация производится по названию спортивной команды, например, *«Экс-белый тигр» Новак заключил контракт с «ястребами» по схеме «1+1»*. Не вошли в материал исследования устойчивые сочетания с зоонимами, а также зооморфизмы, функционирующие внутри фразеологической единицы, например, *морской волк, светская львица*. Это продиктовано тем, что такого рода номинации «характеризуются забвением факта, их породившего» [Ватлецов 2001].

Самым спорным оказался материал, где зооним используется в качестве прозвища, клички. Такого рода номинации, как правило, производятся по двум основаниям: по фамилии (например, *Кротов - Крот*), на основании сходства (например, *Юрку Медведя, силача, который десятиклассников не боялся, он унизил и растоптал на глазах у всех*). Технически, первая категория оказывается за пределами нашего внимания, а вторая – вполне нам подходит, но на деле определить, какой именно механизм лег в основу номинации, далеко не всегда возможно даже по расширенному контексту. Например, *Я за свободу выбора. Он передал Лорду крохотную мензурку, и мы понаблюдали, как тот осторожно переливает в нее содержимое чашечки. – А ты? – повернулся ко мне Шакал. – Чего молчишь? Расскажи что – нибудь интересное. Говорят, на последних Фазаньих собраниях обсуждают только тебя (М. Петросян. Дом, в котором...)*.

Для того, чтобы задача обработки контекстов со всеми зооморфизмами из списка была решаемая с точки зрения физических возможностей, было решено рассмотреть сто первых предоставляемых по запросам контекстов, отсеять шум и в дальнейшем работать с тем количеством материала, которое даст такая выборка, а более глубокий анализ с рассмотрением большего количества контекстов производить по необходимости на отдельных единицах. На основе проделанной работы по аналогии с полем зоонимов выстроено поле зооморфизмов.

2.2.1. Полевое распределение зооморфизмов

Исследуя лексику в системном аспекте нельзя не говорить о ее распределении по различным тематическим и семантическим группам, т.к. это является одним из главных доказательств системности лексики. Факт существования различных лексических объединений был отмечен учеными еще в XIX в. «Первоначально теоретическое осмысление понятия поле в языке содержалось в работах Й. Трира, Г. Ипсена, где оно получило наименование «семантическое поле» [ЛЭС 1990: 380]. Полевое изучение лексики является довольно востребованным в лексикологии, этому вопросу посвящена обширная литература (см. библиографию вопроса в [Караулов, 1976]). Мы будем исходить из традиционного понимания поля как «совокупности языковых единиц (главным образом лексических), объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990: 308]. Для семантического поля признается обязательным наличие общего семантического признака, объединяющего все единицы поля. Метафорическая лексика в этом смысле не является исключением, особенно образованная на базе регулярных переносов, и, будучи явлением системным, позволяет выделять отдельные тематические группы. Одной из таких групп являются зооморфизмы. Специфическая особенность метафорического поля заключается в том, что оно «обнаруживает семантическую зависимость от номинативного поля, и его границы не могут быть определены вне зависимости от границ номинативного поля» [Скляревская 1993: 115].

Для того чтобы разносторонний анализ изучаемого материала был посильной задачей, мы посчитали возможным работать с ядерными единицами поля зооморфизмов, как с эталонными членами лексического класса, являющимися носителями прототипически организованного значения [Рахилина 2009: 24]. Таким образом, их последовательный анализ дал бы возможность распространить выявленные имманентные характеристики на

весь класс в целом. Для этого необходимо было выстроить поле исследуемых зооморфизмов. Критерием распределения единиц внутри поля являлась частотность. Для выяснения частоты употребления того или иного зооморфизма мы проанализировали сто первых контекстов, предлагаемых НКРЯ, для каждого члена нашего 75-словного списка. Из рассматриваемых контекстов мы отбирали те, в которых зооним используется для антропономинии, подсчитали количество таких контекстов и, основываясь на полученных данных, смогли представить полевое распределение анализируемых единиц. Частотность зооморфизмов варьируется от 41 контекста из 100 до отсутствия среди просмотренных контекстов метафорического функционирования зоонима.

Так, в ядро попало 12 зооморфизмов со значение от 41 (максимальное) до 21 употребления на сто контекстов: *скотина* (41), *боров* (38), *мастодонт* (38), *паразит* (34), *ястреб* (32), *козел* (31), *свинья* (30), *индюк* (22), *ишак* (22), *морж* (22), *хорек* (21), *орел* (21). Ближайшую периферию составили 23 лексемы со значением от 20 до 10 употреблений из ста: *выдра*, *жаворонок*, *зверь*, *осел*, *крот*, *хряк*, *ехидна*, *кобыла*, *баран*, *крыса*, *кролик*, *медведь*, *обезьяна*, *овца*, *щенок*, *львица*, *ворона*, *бык*, *волк*, *жаба*, *змея*, *коза*, *червяк*. Остальные единицы составили дальнюю периферию, три зооморфизма *лев*, *сорока*, *улитка* получили индекс 0. Подробнее см. Приложение 4.

Интересное соотношение для некоторых единиц представляет число метафорических употреблений от общего количества употреблений, зафиксированных в Корпусе. Например, *мастодонт* встречается в 113 контекстах, 38 из них – метафорические, т.е. каждый третий *мастодонт* – это человек, так же, как *хряк* (18 метафорических контекстов из 64). Из 177 контекстов со словом *морж* 22 – метафорических, что составляет одну восьмую от общего количества употреблений. Это довольно примечательно, так как данный зооморфизм является нейтральным и лишен экспрессивной окраски, тем не менее, входит в ядро составленного нами поля. В подобных

случаях можно говорить об узуальном тяготении зоонимов к попаданию в позицию метафоры. Нас заинтересовало, существует ли детерминированность между общим числом употреблений, зафиксированных в корпусе и метафорическими употреблениями. Мы сопоставили предоставляемое по запросу количество контекстов и то число метафорических контекстов, которые мы получили в результате анализа, и получили коэффициент корреляции – 0,33. Конечно, мы понимаем, что это нельзя назвать коэффициентом корреляции в самом строгом смысле слова, но даже такой первоначальный результат свидетельствует о возможности дальнейшего исследования этого аспекта функционирования зоометафор.

Теперь, имея довольно объемный материал для анализа, необходимо выбрать позиции, с которых будет произведен анализ. С целью выявить такие позиции проведен, как и планировалось, более глубокий анализ некоторых зооморфизмов с привлечением солидного количества контекстов.

2.2.2. Поиск значимых характеристик на фрагменте исследуемой метафорической модели

Для более глубокого корпусного анализа были взяты пять семантически близких зооморфных метафор (*свинья, боров, кабан, хряк, поросенок*). Предполагалось, что языковая близость указанных лексем может найти свое проявление в сходном функционировании, что позволило бы вычленив общие релевантные признаки. Результаты аналитической работы были занесены в таблицу (см. Таблицу 4) . По запросу *свинья* нами было обработано 820 документов, в 279 из которых интересующее нас слово употреблено для номинации человека, что составляет порядка 36% от общего количества употреблений. Высокая степень экспрессивности и яркая оценочность, причем пейоративная, задают потенциал для такого активного употребления *свиньи* в переносном значении. Отметим, что из всех анализируемых лексем, именно эта представлена наиболее широко. Родовая принадлежность слова *свинья* расходится с гендерной референцией

метафоры *свинья*: женский род, но метагендерная референция. Более того, в переносном значении данная лексема в абсолютном большинстве случаев применяется по отношению к мужчинам: 145 употреблений из 279 против лишь 19 номинаций женщин. Также необходимо отметить, что из указанных 19 употреблений в 11 случаях это самоописание (*Я проснулась оттуда сюда, и мне стало смешно, потому что – стало легко...я свинья, я знаю...*). Сравнительно частотны употребления зоонима во множественном числе – их 89. Встречаются случаи, когда определить, о ком идет речь невозможно или затруднительно, даже по расширенному контексту (*Или вдруг персонаж на сцене произносит: «Ты свинья!» Раньше подобное в настоящей «Веселой вдове» и представить было невозможно!*). В метафорическом значении *свинья* может сопровождаться достаточно широким кругом эпитетов, например, *последняя, щетинистая, некультурная, жирная, ограниченная, похотливая, мужская шовинистическая, грязная, порядочная, фашистская*. Нам также «встретилась» одна *колумбийская свинья* и 23 – *русских* (в единственном и множественном числе). Описываемый зооморфизм также может входить в перечислительные ряды с другими ругательствами и даже маргинальной лексикой (*Сука! Сволочь! Гадина! Свинья! Потаскуха! Кошелка! Овца!*).

Поросенок встречается в Корпусе в 1048 контекстах, из которых лишь в 77 – для номинации человека, это составляет около 0,7 % от общего числа словоупотреблений. Данный зооморфизм характеризуется метагендерной референцией, несмотря на категориальную родовую принадлежность. Однако употребление в отношении женщины представлено очень слабо – всего 2 случая, в одном из которых *поросенок* – это уменьшительно-ласкательная номинация (*Писатель все более отдалялся в своих чувствах некогда «дорогой мышки» и «любимого поросенка», как называл он ее в письмах в раннюю пору*). В 10 случаях слово употребляется во множественном числе, среди них два вхождения имеют мелиоративную оценку: (1) - *Ну, поросята, по ранжиру стройся! Справа – девочки, слева –*

мальчики! – шутливо-начальственным тоном обращался он к когорте детей. (2) Мы с большим удовольствием вспоминаем Крым и Вас. Целую Вас обоих, **поросята**. Среди эпитетов, сопровождающих рассматриваемый зооморфизм, встречаются такие как *чистый, маленький пьяный, несмышленый, счастливый розовый, червивый, тупорылый, любимый, настоящий скверный* и некоторые другие. Данная метафора практически не включается в синонимические ряды, нам встретилось лишь три контекста, в которых *поросенок* употребляется совместно с *дурак, подлец (этакий)* и *щенок*.

Слово *кабан* встречается в Корпусе в 581 документе, из них в 45 – в непрямом значении (около 8 % от общего количества словоупотреблений). Данный зооморфизм имеет маскулинную референцию и, соответственно, не может иметь референта женского пола. Только в одном контексте данная метафора входит в перечислительный ряд (*Что ты смотришь на меня, будто на моем лбу хочешь прочесть сотовое имя Аллаха, ты, кабан, начиненный небылицами, бурдюк лжи, грязный перекресток грехов, базарная лавка всех глупостей?*). Зато достаточно широк круг эпитетов, сочетающихся с *кабаном*, приведем лишь некоторые из них: *тупой, кривой, благоверный, бешеный, старый, злой, облезлый, ушастый, гладкий, здоровый, жирный*.

Зооним *боров* встречается в 307 документах, 121 из них – случаи метафорического употребления для антропономинии, что составляет порядка 39%. Данный зооморфизм имеет маскулинную референцию, совпадающую с грамматическим значением рода. Имеет обширный круг эпитетов, большая их часть составляет одну семантическую группу с обобщенным значением «быть толстым»: *жирный, пузатый, разожравшийся, ожиревший, откормленный, брюхатый, толстобрюхий* и т.д.

Фрагмент денотативно – сигнификативного анализа зооморфизмов

Зоомо	Он	Она	Мн.ч.	О себе	Эпитеты	Контекст. синонимы	Примеры
Свинья	145	9	9	5	Русская, последняя, некультурная, жирная, ограниченная, похотливая, колумбийская, фашистская, тупая, грязная и др.	Скоты, сволочь, иуда, предатель, идиоты, бараны, палачи, мерзавцы, дурак, гадина, гады, подлец, паскуда и др.	(1) Ну свиньи, свиньи! — обычно кричала она по их уходу, победно хохоча и упирая руки в боки. — Скоты! Навозу нанесли! Грязи! (2) Экскурсоводы и методисты — психи. Туристы — свиньи и невежды. (3) — Миленький мой, дорогой, я, конечно, свинья . Но ты должен меня простить.
Боров	105	-	3	3	Инфантильный жирный, здоровый, сальный, старый, пузатый, разожравшийся, ожиревший, откормленный, окаянный, гладкий, брюхатый, толстобрюхий и др.	Жиртрест, порося, пороз, дьявол	(1) Должно быть, я угодил этому борову , потому что он ободрился и из круга уездных интересов мало-помалу стал довольно самоуверенно вламываться в области, ему, по-видимому, весьма слабо известные. (2) Она продолжала молча стоять, любуясь этим лысым боровом . (3) Ну, а если начнет, тогда Мака даст понять толстобрюхому борову , что не лыком шит и не вчерашний мальчик.

Хряк	10	-	8	-	Кладеный, здоровенный, упитанный, камуфляжный, баварский	Дети + Свиньи	<p>(1) Гарри вспомнил камуфляжного хряка и его свинцовый затылок</p> <p>(2) А за ними попозже поедут другие вояки-хряки в хаки.</p> <p>(3) Стали к Быхалову монахи ходить, тонкие и толстые, ангелы и хряки.</p>
Кабан	35	-	6	-	Тупой, благоверный, старый, злой, ушастый, мясной, гладкий, облезлый, разъяренный, дикий и др.		<p>(1) Что ты смотришь на меня, будто на моем лбу хочешь прочесть сотое имя Аллаха, ты, кабан, начиненный небылицами, бурдюк лжи, грязный перекресток грехов, базарная лавка всех глупостей?</p> <p>(2) Вот одурел человек! добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице!</p> <p>(3) Ты завтра же подашь на высочайшее имя прошение о разводе со своим кабаном, — твердил он, дуря от ее мертвых чар.</p>
Поросенок	56	2	10	6	Большие, несмышленный, счастливый розовый, тупорылый, настоящий, скверный, любимый, гамлетизированные и др.	Подлец, щенок	<p>(1) Гуревич, поросенок, живенько забыл, как валялся у меня в ногах, чтоб двинуться во власть.</p> <p>(2) Гамлетом он от этого, конечно, не станет, а будет гамлетизированным поросенком.</p> <p>(3) Писатель все более отдалялся в своих чувствах от некогда «дорогой мышки» и «любимого поросенка», как называл он ее в письмах в раннюю пору.</p>

**Фрагмент денотативно – сигнификативного анализа зооморфизмов
на материале ста контекстов**

Зоомор	Он	Она	Мн.ч.	О себе	Эпитеты	Контекст. синонимы	Примеры
ВЫДРА (21 из 100)		1			Старая Пышнотелая С хвостом/без хвоста Встрепанная Наглая Задрипанная Жилистая перекрашенна я	Выбражала Хабалка	(1) На стене детским почерком было нацарапано: "Инка выдра , она выбражала". Он узнал эту надпись и рассмеялся. Инка, о которой шла речь, теперь давно выросла, учится в институте, а подъезд всё не отремонтировали. (2) Через месяц приезжает эта старая выдра из Гамбурга. Томас, пожалуй, сможет произвести на нее впечатление. Это облегчит наши переговоры. — Класс!

КОБЫЛА (17 из 100)		7			Старая+сопящая Кабардинская Здоровая +телесериальная Восемнадцатилетняя Молодая Взрослая Старая Украинская +рослая	Лошадь Спутница+ посконщица+ мужичка+ разбаба+ маруха+ фефела+ предмет+ дульсинея+ обоже+ присуха+ закадычка...	(1)— Отделиться! Замкнуться на себе! Свое телевидение даже лучше, чем свободная экономическая зона — это свободная идеологическая зона! Научиться завидовать друг другу, а не кобыле с ОРТ. Да заинтересоваться друг другом, наконец! Судьба продавщицы. Иллюзия обладания (2)В квартиру он вернулся на другой день совершенно ослобивший и в компании дружков, которым прямо в коридоре принялся разьяснять свои взгляды на брак молодой кобылы и старого замшелого кобеля.
ОВЦА (12 из 100)					Паршивая Доверчивая Заблудшая	Люди +овечьего +склада+и+темперамента	(1)На таком курсе и учились Елена Патрина и Денис Печенегин. Елена была звездой этого звёздного курса, Денис же — паршивой овцою , он казался приبلудным, лишним, нездешним. (2)... Епископы пришли к выводу, что для греческого начальства они всего лишь овцы , которых стригут, но не кормят, и что гораздо правильнее поставлены дела у католиков, чьи епископы заседают в Сенате.
ЖАБА (10 из 100)					Темная+деревенская Старая Фригидная Набитая г...ом Зеленая Пыхтящие Обычная+московская		(1)— Как?! — пораженно воскликнул Захар, и его всего передернуло. — Она?! Эта... старая жаба ?! (2) К примеру, в одном интервью спрашивают меня: «Как вы относитесь к певице Алле Пи.?» Я говорю — да она жаба . А потом читаю в журнале: «НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО отношусь

ЗМЕЯ (10 из 100)					Гремучая Подколотная Умная	Ведьма Гадюка	(1)Марфа-раскольница (Нина Терентьева), которую бросивший её возлюбленный не называет иначе, как "ведьма"и "змея", поначалу от волнения жёсткая и монументальная, в финале нашла краски, чтобы живописать мучимую болью душу, и поднялась до трагических высот в пламени горящего скита. (2) (особенно эта Сластенина! ох уж эта Сластенина! змея , а не женщина! крокодилица!..), прыгнет в конце концов выше головы...
ВОБЛА (7 из 100)					Сушеная	Кожа+да+Кости	(1)— Послушайте, да ваша сушеная вобла Морис — просто замечательная личность! — воскликнула я. — Да,— подтвердил Яков Моисеевич с достоинством. — Тогда за что вы его ненавидите? (2)Были бы у меня такие скелеты, постыдилась бы и перед мужиками разнагишаться. Вобла — она и есть вобла .
КУРИЦА (6 из 100)					колоссальные	клуши	(1)Только мама была не курица , а ястреб, в семье её все боялись, и дядя Иосиф боялся (2) Через два часа вызвали опять скорую, была уже другая медсестра, посмотрела горло и сказала, что всё в гнойниках. КАК первая курица этого не заметила???

ЦАПЛЯ (5 из 100)					Проклятая Мокрая	Стручок Страхолюдина	(1)Перед ним уже стояла не аспирантка Осинская, с ее крутым папой, дипломом, классными шмотками, а Клебаниха, страхолюдина, Цапля — как дразнили ее в школе... (2)Ваши тут всю раскомандовались. Маковой какой-то. На вид стручок, цапля . А наглый, засранец!
КОРОВА (4 из 100)					Священные Железная	Конь	(1)И кроме того, избежал я общей участи большинства мужей. Что бы я был такое, если бы не этот мерзкий случай? Вьючный верблюд, позорный потатчик, укрыватель, дойная корова , ширма, какая-то домашняя необходимая вещь... (2)"Как то есть неполноценный? Кто же за тебя и какую цен у даёт? Что ты— конь или корова ?" "Нет, —отвечает, — я психический". "Вот оно что! — думаю. — Я припадочный, а он психический.
ЛОШАДЬ (3 из 100)					Изношенная		(1)Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная лошадь с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье — в летнем, грязновато-бежевом, в прерывистых чёрных линиях, которые то теряли друг друга, то снова находили, выкидывая кривые отростки (2) Счастье — когда есть деньги, есть помощники. Когда есть всё, и ребёнок— ко всему. А когда нет ничего, сплошные нагрузки, то ты уже не человек, а лошадь под дождём.

Для того чтобы проследить релевантность избранных критериев, нами был выполнен аналогичный анализ еще десяти произвольно выбранных единиц (см. Таблицу 4.1.). Мы ограничили количество просматриваемых контекстов до ста, полагая такое количество достаточно представительным. Для подтверждения произведено сравнение представленности метафорических контекстов на разных количествах контекстов: *свинья* – 36% из 820 документов и 30% из 100 документов; *поросенок* – 0,7% из 1048 документов и 6% из 100 документов; *кабан* – 8% из 581 документа и 8% из 100 документов; *хряк* – 28% из 64 документов; *боров* – 39% из 307 документов и 38% из 100 документов. Такое соотношение позволяет принять сто контекстов как достаточное количество для получения объективных количественных результатов.

Итак, языковое поведение рассмотренных зооморфизмов отлично друг от друга, несмотря на то, что все они относятся к одному метафорическому полю, а также образованы по единой модели метафорического переноса. Наиболее значительны различия в частотности употребления и синтаксической спецификации. Как видно из представленных таблиц, употребление зооморфизмов зачастую сопровождается разного рода эпитетами. Это позволяет предположить возможность использования такого рода сочетаний при построении поисковых запросов для снижения уровня шума. Разметка НКРЯ позволяет выставить соответствующие фильтры и работать с конструкцией «мест.-прил.(SPRO)+животное».

2.2.3. Анализ конструкции «мест.-прил.(SPRO)+животное»

Пилотажный анализ представленности отобранных для исследования зооморфизмов в НКРЯ позволял в качестве фильтра предположить конструкцию «мест.-прил.(SPRO)+животное» (*такая свинья, лошадь, корова* и т.д.).

В целях ограничения материала было произвольно отобрано пять слов (*баран, корова, лошадь, медведь, свинья*). Выбор именно этих слов обусловлен сходством их лексикографического описания, то есть принадлежности к одному лексикографическому типу.

Лексико-грамматический поиск осуществлялся следующим образом: *слово 1*: грамматический признак – *часть речи* «мест.+прил.»; *слово 2* – соответствующая лексическая единица (*баран, свинья...*); расстояние между словами от 1 до 2.

В результатах поиска рассматривались первые 100 контекстов. Выделялись контексты, в которых животное использовалось для номинации человека. Для запроса 1) «*SPRO+баран*» таких контекстов оказалось 28 из 100 (например, – *Ну куда ты лезешь? – комментировал действия других водителей Шурик. – Что за баран?*),

2) «*SPRO+корова*» - 9 из 100 (*И сразу видно, какая она корова*),

3) «*SPRO+лошадь*» – 6 из 100 (*Что ж я, лошадь, столько выхлебать?*),

4) «*SPRO+медведь*» – 5 из 100 (*Впервые в жизни она поняла, как приятно подчиняться мужчине, этому медведю Шкарубо*),

5) «*SPRO+свинья*» – 45 из 100 (*Мне бабки не за то платят, чтоб я всяких свиной обхаживала*).

Немного забегаая вперед, отметим любопытную закономерность: сравним, сколько метафорических контекстов в выборке из ста первых, предлагаемых по запросу, содержится в результатах запроса с указанным фильтром, и какой – без фильтра:

Таблица 5

Сравнительный анализ выборки, полученной с фильтром SPRO+ и выборки вручную

Зооморфизм	Количество контекстов из 100 (с	Количество контекстов из 100 (без

	фильтром SPRO+)	фильтров, вручную)
Свинья	45	30
Баран	28	16
Корова	9	5
Лошадь	6	3
Медведь	5	10

Мы видим, что наличие предлагаемого фильтра значительно увеличивает эффективность запроса, порой удваивая результативность (*корова, лошадь*), однако, на зооморфизме *медведь* эта закономерность не просто не срабатывает – результативность запроса снижается вдвое. Таким образом, конструкция «SPRO+животное» требует дальнейшего тщательного исследования на предмет релевантности при работе с зооморфной лексикой.

Проведенный анализ подтверждает полевой характер организации метафорической модели, в соответствии с которым номинации разных животных при равноправии их кодификаций могут в различной степени обладать способностью номинировать людей (так, в ядро метафорического поля попадет лексема *свинья*, на периферии окажутся лексемы *медведь* и *лошадь*). Очевидно, что прежде чем делать окончательные выводы, необходимо рассмотреть выборку указанных слов с разными фильтрами. Однако уже сейчас можно утверждать различие лексикографической и корпусной систематизации лексического материала по метафорическому критерию.

Следующим этапом исследование стал денотативно – сигнификативный анализ ядерных единиц полученного поля. При этом мы понимаем некоторую условность подобного распределения, которая может быть подвергнута верификации и корректировке при рассмотрении большего количества контекстов.

2.2.4. Денотативно – сигнификативный анализ ядерных единиц поля зооморфизмов

В процессе анализа употребления зооморфизмов, составивших ядро, вычленялся денотат (кто называется) в каждом контексте, такие его характеристики как гендерная соотнесенность и возраст, где это возможно, а также вычленялся сигнификат (основание переноса, качественная характеристика денотата), отслеживалась сочетаемость с местоимениями и прилагательными. Представим результаты анализа. Для каждой единицы будет предложена дефиниция, составленная из значений, зафиксированных в словарях, и дополненная выявленными в процессе анализа значениями, функционирующими в узусе.

1. **Скотина.** Словарные значения: грубый, низкий, подлый человек. Узуальные значения, выявленные в процессе анализа: потерявший человеческий облик и достоинство (*Стало очевидней: не батраки, а рабы, скотина последняя – вот кто мы такие для него*), бессовестный, беспринципный (*Среди вас обязательно найдется какая-нибудь скотина, которая возьмет у меня деньги и облегчит мне участь*). Кроме того, данная единица в большинстве контекстов функционирует как оскорбление, утрачивая сигнификативные характеристики: *Наворотил мерзостей и еще требует комплиментов, скотина*. Имеет метагендерную характеристику, но тяготеет к маскулинной (применительно к женщине употреблено 2 раза из 41 рассмотренного случая), может номинировать как взрослого человека, так и ребенка (реже), например, *Иванов – скотина и двоечник, который частенько не давал вести урок*. В 13 случаях сочетается с прилагательным или местоим. – прилагательным, это около 33% употреблений, поэтому данный признак нельзя считать релевантным при составлении поискового запроса, это справедливо и для сочетаний с местоимениями (11 личных и одно указательное).

2. **Боров.** Словарное значение: о толстом, неповоротливом человеке. Дополнительное узуальное значение: изрядно растолстевший

(*Ишь, отъелись, боровы*), тупой, ограниченный (*Как жаль, - думал он, - что этот боров так ничего и не поймет*). Имеет маскулинную референцию, применяется только к взрослому мужчине. Такой языковой маркер, как сочетаемость с прилагательным является релевантным, т.к. порядка 63% всех употреблений сопровождаются эпитетами. В некоторых случаях это приводит к избыточной номинации, например, в сочетаниях с *толстый, жирный, разожравшийся, откормленный, ожиревший*.

3. **Мастодонт.** Словарное значение: о большом, громадном, неуклюжем человеке. Дополнительное узуальное значение: хороший специалист в своей области, имеющий заслуженную и проверенную временем репутацию, добившийся успеха в своей области (*Однако Николай по сравнению с ним был в этой области мастодонтом; Песни к фильму специально спели и записали все мастодонты отечественного рока*), имеющий устаревшие взгляды, несовременный, относящийся к исчезающей разновидности людей (*Возможно, что я невероятно старомоден, что я – реликт, мастодонт, ископаемое, но я убежден, что искусство должно «сеять разумное, доброе, вечное»*), весьма преклонного возраста (*Уморительно, как-то особенно нежно, Александра Михайловна поливала своего мастодонта – мужа водою из детской кружечки*). Среди языковых маркеров релевантной для данной единицы является конструкция *мастодонт + сущ. Р.п.* (расстояние до 2), например, *мастодонты модного рынка, мастодонты рока, мастодонты исчезнувшего класса, мастодонты отечественного сыска, мастодонты русской культуры, мастодонты джаза, мастодонт отечественной публицистики* и т.д. Имеет метагендерную референцию, не может применяться к ребенку.

4. **Паразит.** Словарное значение: человек, живущий чужим трудом; употребляется как бранное слово. Дополнительных узуальных значений не выявлено. Формально имеет метагендерную референцию, но в реальном употреблении в форме ед.числа употребляется применительно к лицу мужского пола, в нашем материале встретился только один случай

феминной референции: *А за что ее [Наташку] любить? Эталон паразита.* Возможно, это связано с тем, что в языке параллельно существует форма *паразитка*, которая и занимает нишу феминной референции (*Теперь она им, паразиткам, спуску не даст*). По данным НКРЯ (встречается в 18 контекстах) данное слово функционирует только в качестве зооморфизма. Порядка 50% от общего количества проанализированных употреблений – это употребления в форме множественного числа, что позволяет сделать заключение о значимости для описываемого зооморфизма данного параметра и делает возможным использовать его в качестве фильтра при составлении поисковых запросов.

5. **Ястреб.** Словарное значение: о воинственно настроенном человеке, готовом напасть на своего противника, используя в том числе хитрые, неблагородные методы; о политике, являющемся сторонником агрессивных методов, военных действий; о человеке, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с ястребом. Дополнительные узусальные значения: летчик – профессионал (*Экипаж [самолета] подобрался – во! Орлы! Коршуны! Ястребы своего дела!*). Около 94% всех употреблений актуализируют значение агрессивно настроенного политика или представителя силовых структур, сторонника войны. Около 72% - формы мн.ч., а значит, как и в случае с *паразитом*, можно считать это за значимым языковым маркером. Одна треть рассмотренных употреблений сопровождается эпитетами, например, *настоящий, американский, кремлевский, финский, именитый, комнатный, российский, отъявленный, дипломатический.*

6. **Козел.** Словарное значение: универсальное оскорбление по отношению к мужчине; *козел отпущения* – о человеке, на которого сваливают чужую вину. Последнее в исследуемый материал не входило, так как реализуется только в составе фразеологического оборота. Дополнительное узусальное значение: не входящий в привилегированную группу, представитель убогого большинства (*Катулл же в припадке*

вдохновенного бешенства отвечал им буйными поношениями: с чего бы это только лишь у вас члены? и только вам дозволено всех малышей перепереть, **козлами** посчитав прочих?; Люда плюс Толик равнялись любви, а все остальные были **козлы** и твари.); мужчина, обращающийся с женщиной недостойно, неподобающе (Ну да, наши мужики, конечно, **козлы**. Но феминистки еще хуже.). Зооморфизм имеет маскулинную референцию. Порядка 50% контекстов – с местоимениями в препозиции (преимущественно личные и указательные).

7. **Свинья**. Словарное значение: о человеке физически и/или нравственно нечистоплотном, нарушающем нормы поведения и правила приличия, невежественном, грубом; о безобразно пьяном человеке; о толстом и неприятном человеке. Дополнительное узуальное значение: выражение презрения по отношению к национальной принадлежности именуемого (*И ви – тоже! Все как один! Русский **свинья!**; Взять эту чешскую **свинью!***). Имеет метагендерную референцию, может называть и взрослого человека, и ребенка. Треть случаев от общего количества проанализированных – употребление в сочетании с эпитетом (*русская, грязная, гнусная, типичная* и др.).

8. **Индюк**. Словарное значение: о человеке, имеющем высокое мнение о собственной значимости, которое ни на чем не основано, а потому имеющем гордый и глупый, комичный вид; о человеке, во внешности которого есть что-либо, напоминающее облик индюка. Последнее значение в исследуемом материале не выявлено. Дополнительных узуальных значений не выявлено. Имеет маскулинную референцию. Используется при характеристике только взрослого мужчины. 59% проанализированных контекстов содержат рассматриваемую единицу в сочетании с прилагательным в препозиции (например, *самодовольный, хриплый, тупоголовый, проклятый, унылый, тоскливый, пошлый, влюбленный*).

9. **Ишак**. Словарное значение: о человеке, безропотно выполняющем самую тяжелую и неприятную работу; об упрямом, глупом

человеке. Дополнительное узусальное значение: тот, кого используют в качестве перевозчика (*А я – средство доставки! Ишак такой...который везет тебя в столицу, на карнавал, на фиесту.*); универсальное оскорбление (*Пошли вон в свои вонючие аулы, ишаки!*; *Понт этот ясно говорит юноше: иди, ишак, со своей бабушкой, постой в сторонке.*). Имеет маскулинную референцию. Используется для номинации только взрослого человека. Релевантных формальных языковых маркеров не выявлено.

10. **Морж.** Словарное значение: человек, занимающийся зимним плаванием в открытых водоемах. Дополнительные узусальные значения: об усатом мужчине (*Дело было в том, что, во-первых, этим не было и двадцати – ну, может быть, морж со своими усами и взглядом, подернутым льдом, казался постарше...*). В некоторых контекстах представляется невозможным вычленивать сигнификат, даже в расширенном виде, например, (1) *Неграмотный морж-председатель.*(2) *Следом за Антоном полез грузный толстяк Жорик, по кличке Морж, и тоже прошаркал по граниту...* . Имеет метагендерную референцию, не имеет возрастных ограничений. Имеет очень низкий процент сочетаемости с прилагательными и почти не встречается в сочетании с местоимениями (один случай в материале исследования). Дополнительных языковых маркеров в ходе анализа не выявлено.

11. **Орел.** Словарное значение: о «настоящем мужчине», у которого много достоинств, может актуализироваться любое из них (гордость, независимость, мужество, свободолюбие, благородство); о человеке, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с орлом. Последнее значение в материале исследования не актуализируется. Дополнительное узусальное значение: для номинации военнослужащих (*Ну что, - спросил он, - потеряли противника, орлы?; Ну что, орлы? Варшава на горизонте. А видали, до берлина пятьсот километров осталось!*); о человеке, с помощью хитрости и ловкости добывающем что-либо (*Такой «орел» получает от купца рублей двести ассигнациями и отправляется на добычу.*); о том, кто стремится забраться повыше (*Присела на него Терищева из пятой палаты, да*

не присела, а с ногами влезла, горный **орел**, блин.). Как правило, **орлом** называют взрослого мужчину, но может быть употреблено и при номинации мальчиков, особенно в позиции обращения (- *За мной, **орлы!** Мальчики доверчиво подали ему маленькие холодные руки*). Рассматриваемые конструкции (+ мест.; +прилаг.) не актуальны для данного зооморфизма и не могут служить эффективными фильтрами при работе в НКРЯ.

12. **Хорек**. Словарное значение: о злобном человеке, как правило, маленького роста. Дополнительные узуальные значения: бранная номинация (***Хорек** немый – со злостью проскрипел зубами водитель, вылезая из притормозившей «десятки»;* *Брось пистолет, **хорек**, - напористо сказал охранник, - он у тебя все равно не работает*); лишенный человеческого достоинства, гордости (*А **хорьки** остаются шуршать никому не нужными документами;* *Я – свободный художник и болт на все забил. А ты? Загнанный в угол **хорек***). Имеет метагендерную референцию. Одна треть проанализированных употреблений входит в конструкцию *прил.+хорек*.

Итак, анализ ядерных единиц метафорического поля позволяет говорить о продуктивности конструкции «мест.-прил.(SPRO)+животное» для таких единиц как *боров, индюк, козел*. Указанная конструкция включает в себе наибольший системный потенциал при работе с зоометафорами, нежели иные выявленные в процессе работы показатели, однако и она не является универсальной. Для таких единиц как *ястреб, паразит* форма множественного числа может быть принята в качестве довольно эффективного фильтра для снижения «шума», но следует помнить, что в таком случае при выдаче материала будут потеряны все случаи антропономинации в форме единственного числа. Для зооморфизма *мастодонт* релевантным оказалось сочетание с существительным в родительном падеже в постпозиции, то есть при употреблении такой метафоры следует указание на то, в чем, в какой области человек является *мастодонтом*. Для остальных единиц сложно говорить об универсальных или специфических формальных показателях употреблений.

Выводы по второй главе

Лексикографический анализ позволил нам судить о степени кодифицированности метафорических значений зоонимов, а также о способах представленности такого рода значений. Уже на этом этапе работы стало очевидно, что зооморфизмы имеют разный статус с позиций кодифицированности и могут быть рассмотрены как поле. Дальнейший анализ показал, что рассматриваемые нами зооморфные метафоры весьма различны и с позиций частотности, а также по сочетаемостным характеристикам. Различные этапы и глубина корпусного анализа показывают несостоятельность гипотезы о наличии формальных универсалий, позволяющих работать со всем классом зооморфной лексики, однако нам удалось выявить специфические характеристики, которые могут быть релевантны как для отдельной единицы, так и для целой группы зооморфных антропономинаций. В качестве фильтров при работе с зооморфной лексикой в Национальном корпусе русского языка можно использовать принцип полевой организации внутри лексического класса, в основе которого лежит сокращение единиц зооморфизмов на основе их полевого статуса. Лексический фильтр – это те лексемы, при сочетании с которыми актуализируется метафорическое значение, наше исследование показало, что наиболее эффективными являются сочетания с местоимениями (указательными и личными), прилагательными и местоименными прилагательными в препозиции. Для зооморфизма *мастодонт* таким фильтром является сочетание с существительным в родительном падеже в постпозиции. Синтаксическим фильтром является предикативная позиция в предложении. Графические маркеры не релевантны для зооморфных метафор.

Дифференциация по значению может представлять собой классификацию сигнификативных характеристик, то есть оснований переноса. Так, принимая за основу классификацию Г.Н. Складневской, можно распределить рассматриваемые нами зоонимы следующим образом:

1. Внешность: аист, боров, буйвол, бык, воробей, ворона, жаба, жираф, кабан, клоп, кобыла, корова, кот, кошка, крыса, лиса, лошадь, медведь, муха, мышь, обезьяна, петух, попугай, свинья, слон, тюлень, хорек, хряк.

2. Характер: баран, волк, ворон, выдра, ехидна, животное, заяц, зверь, змея, ишак, коза, козел, коршун, кролик, курица, лев, лиса, львица, осел, свинья, тюлень, хорек, червяк, ястреб.

3. Поведение: аист, бык, ворона, жаворонок, животное, зверь, индюк, коршун, кот, кошка, крыса, кукушка, лошадь, медведь, муха, обезьяна, паук, петух, попугай.

4. Социальные качества: вол, волк, воробей, ишак, кит, клоп, козел, мастодонт, муравей, паразит, птица, рыба, червяк, щенок, ястреб

5. Прочие: голубь, заяц, крот, ласточка, лебедь, морж, овца, орел, скотина, слон, собака, сова, сокол, соловей, цыпленок.

Конечно, предложенная классификация может быть расширена и детализирована. Некоторые зооморфизмы попадают в несколько групп одновременно, то есть при помощи одного и того же зоонима может производиться антропономинация по различным основаниям, что подтверждает наше предположение о множественности семантических таксономий, а также доказывает справедливость фасетного принципа классификации. Кроме того, получила подтверждение выдвинутая гипотеза о полевой организации метафорического таксона.

Заключение

Итак, приступая к исследованию, мы ставили цель выявить вероятные языковые маркеры на основе лексикографического и корпусного анализа метафорической модели ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК, характеризующие ее функционирование в тексте, как основу для создания метафорической аннотации, пригодной для увеличения эффективности построения поисковых запросов в процессе корпусного анализа. Мы предполагали, что через качественный анализ метафорического поля возможно охарактеризовать некоторые способы снятия неоднозначности в Национальном корпусе русского языка. В ходе исследования нами был проведен лексикографический и корпусный анализ зооморфной лексики, последний проходил в несколько этапов. Возник ряд трудностей в процессе проведения исследования. В первую очередь это объем «шума» в поисковых запросах при работе с НКРЯ: процесс выборки метафорических контекстов из общего количества предоставляемых по запросу является трудоемким и весьма длительным процессом. Данные, полученные в результате анализа отобранного материала, оказались весьма разрозненными, несистемными. В результате далеко не все задачи оказалось возможным решить. Например, создание таксономии исследуемых единиц на основе значимых языковых маркеров. В ходе исследования было выявлено, что проблема фильтров носит вероятностный характер и те значимые позиции, которые нам удалось выявить, очень плохо поддаются универсализации, так как они не носят системный характер, а являются спецификациями того или иного зооморфизма.

Поиск семантических фильтров и языковых маркеров для нужд корпусных исследований является актуальной и перспективной задачей. Перспективы нашего исследования предполагают более глубокий анализ большего числа зооморфных метафор, а также сравнительный количественный анализ с применением различных типов конструкций и фильтров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. - Т. 1. - М., 1995.
2. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности [Электронный ресурс] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т.30. – Вып.6. – М.,1971. С. 509 – 523. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-71.htm>
3. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. [Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы](#) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005, 193—214. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/12apresyan.pdf>
4. Арутюнова Н.Д. К проблеме функционирования типов лексического значения [Текст] // Аспекты семантических исследований. М.,1980.
5. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры [Электронный ресурс] // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 37, 1978, №4. С. 333 – 343. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/796840/>
6. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) [Текст] // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147 – 173.
7. Балли Ш. Французская стилистика [Текст]. Пер. с франц. М., 1961.
8. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf>
9. Баранов А.Н. Метафоры в романах А.Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf>
10. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73 – 94.

11. Блэк М. Метафора [Текст] // Теория метафоры. М., 1990. С. 153 – 172.
12. Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Сизов В.Г., Чардин И. Использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе [Текст] // Когнитивное моделирование в лингвистике. Сборник докладов. Варна, 1-7 сентября 2003.
13. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010.№2. С. 19 – 27. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kognitivnoy-teorii-mnogoznachnosti>
14. Ватлецов С.Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность [Текст]: диссертация...кандидата филологических наук: 10.02.19. – Волгоград, 2001.
15. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (1925) [Текст] // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 369 – 459.
16. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова [Текст] // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М., 1977.
17. Виноградов, В.А. Таксономия [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
18. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного [Текст]. М., 1978.
19. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов [Текст] // Общее и романское языкознание. М., 1972.
20. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований [Электронный ресурс]. СПб: Издательство «Питер», 2000. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm>

21. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики [Текст]. Учебное пособие. Третье, перераб. и доп. издание. – Издательство «Лабиринт», М., 2001.
22. Григоренко, О.В. Об образных наименованиях лица в современном русском языке [Текст] // Русский язык в школе, 2003. - №3. С. 84 – 87.
23. Гришина Е. А., Плунгян В. А. [Перспективы развития Национального корпуса русского языка](#) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005, 330—339. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/19grishina.pdf>
24. Грудева Е.В. Корпусная лингвистика [Электронный ресурс]: учеб. пособие. / Е.В. Грудева. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2012. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1253330/>
25. Демьянков В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике [Текст]. М., Изд-во МГУ, 1985.
26. Добрушина Н. Р. Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005 / Н. Р. Добрушина. - М.: Индрик, 2005. – С. 308—329. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/18dobrushina.pdf>
27. Ермакова О.П. О синтаксической обусловленности и синтаксической подвижности метафор [Текст] // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 142 – 148.
28. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления [Текст]. – М.: Языки славянских культур, 2006.
29. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания [Текст] // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20 — 45.

30. Захаров В.П. Корпусная лингвистика [Электронный ресурс]: Учебно – метод. пособие. – СПб., 2005. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/561890/>
31. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации [Текст]: монография. М.: Флинта: Наука, 2010.
32. Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) [Текст] // НТИ, сер. 2, 1967, № 5. С. 9-17
33. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст]. М., 1976.
34. Квинтилиан. Античные риторики [Текст] / Квинтилиан. – М.: Наука, 1978.
35. Кобрицов Б. П., Ляшевская О. Н., Толдова С. Ю. Снятие семантической многозначности глаголов с использованием моделей управления, извлеченных из электронных толковых словарей [Электронный ресурс] / Б. П. Кобрицов, О. Н. Ляшевская, С. Ю. Толдова. – Режим доступа: <http://download.yandex.ru/IMAT2007/kobricov.pdf>.
36. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе [Текст]: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20.- Екатеринбург, 2001.
37. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.
38. Кравцова Ю.В. Понимание метафорической модели в современных научных парадигмах [Электронный ресурс] // Наукові праці. Том 67. Випуск 54. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Npchdu/FL/2007_54/54-10.pdf
39. Кронгауз М. А. Семантика: / М. А. Кронгауз. - М.: «Академия», 2005.

40. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

41. Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы / Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина. - М., 2005. – С. 155—174. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/10kustova.pdf>

42. Кустова Г. И., Толдова С. Ю. НКРЯ: семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы / Г. И. Кустова, С. Ю. Толдоева. - СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 258—276. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/12.pdf>

43. Лагута, О.Н. Логика и лингвистика [Электронный ресурс]. – Электрон. Текстовые данные. – Режим доступа <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm>

44. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Текст]: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.

45. Левин Ю.И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация [Текст] // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1969. Вып. 236. Ч. IV. С. 290 – 305.

46. Левин Ю.И. Структура русской метафоры [Текст] // Тр. по знаковым системам. Тарту. 1965. Т. 2. С. 293 – 299.

47. Лещёва Л. М. Когнитивные аспекты лексической полисемии [Текст]. Минск, 1996.

48. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления [Текст]. Вопросы семантики. Новосибирск, 1986.

49. ЛЭС 1990 - Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева, - М.: Сов. энциклопедия, 1990.

50. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2009. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

51. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория [Текст] // Вопросы языкознания. – 1983. - № 6. – С. 48 - 57

52. Нагорная Т.С. К проблеме корпусного исследования метафорических моделей (на материале репрезентации модели *животное→человек* в Национальном корпусе русского языка) // Наука и образование: проблемы и перспективы [Текст]: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся (Бийск, 12-13 апреля 2013 г.). – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. С. 159 – 160.

53. Нагорная Т.С. Специфика функционирования зооморфизмов в русском языке (на материале фрагмента метафорической модели *животное→человек*) [Текст] // Наука и образование в XXI веке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 1 апреля 2013 г. В 6 частях. Часть III. Мин-во обр. и науки - М.: «АР-Консалт», 2013. С. 117 – 121.

54. Нагорная Т.С. Таксономия как один из ресурсов семантической аннотации лексики [Текст] // ДЕНЬ НАУКИ-2013: Актуальные проблемы современной филологии [Текст]: Сборник научных статей студентов, магистрантов и учащихся. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. С. 56 – 60.

55. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

56. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст]: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1986.

57. Омельченко В.В. Общая теория классификации [Текст]. Часть I. Основы системологии познания действительности. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2008.

58. Плуногян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005 / В. А. Плуногян. - М.: Индрик, 2005. – С. 6—20. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/02plu.pdf>

59. Плуногян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики [Электронный ресурс] // Русский язык в научном освещении, 2008, №16 (2), С. 7—20. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-08.htm>.

60. Плуногян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? [Текст] // Отечественные записки. 2005. № 2, С. 296—308.

61. Рахилина Е. В. Корпус как творческий проект [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы / Е. В. Рахилина. - СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 7—26. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/01.pdf>

62. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст]. – М.: Русские словари, 2008.

63. Рахилина Е. В., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Резникова Т. И., Шеманаева О. Ю. [Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ](#) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 215—239. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/10.pdf>

64. Резникова Т. И. [Славянская корпусная лингвистика: современное состояние ресурсов](#) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009, С. 402—461. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/21.pdf>

65. Резникова Т. И., Копотев М. В. [Лингвистически аннотированные корпуса русского языка \(обзор общедоступных ресурсов\)](#) [Электронный

ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005, С. 31—61. – Режим доступа:

<http://ruscorpora.ru/sbornik2005/04reznikova.pdf>

66. Розина Р.И. Принципы классификации в лексической семантике (ИС) [Текст]: Научно-аналитический обзор. - М., 1982.

67. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь [Текст]: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004.

68. Секерина И.А. Американские теории синтаксического анализа в процессе понимания [Текст] // Вопросы языкознания 1996. № 3, С.100 – 138.

69. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст]. М., 1993.

70. Словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.

71. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129 – 221.

72. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173 – 204.

73. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст]. М., 1981.

74. Теория метафоры [Текст]: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990.

75. Трофимова У.М. О лексико-деривационной системности языка с позиции типологии [Текст] // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Международной научной конференции / под общей ред. проф. Л.А. Араевой. - Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 54 — 59.

76. Трофимова У.М., Нагорная Т.С. Метафорическая аннотация лексики как реализация системного подхода в корпусе [Текст] // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / IV Международные филологические чтения им. проф. Р.Т. Гриб (1928-1995)/ Отв. и научный ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. – Вып. 4. С. 94 – 98.

77. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках [Текст]: диссертация...кандидата филологических наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2004.

78. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.

79. Харченко В.К. Функции метафоры [Электронный ресурс]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/649117/>

80. Хроленко, А.Т. Теория языка [Текст]: учеб. пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов; под ред. В.Д. Бондалетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006.

81. Частотный словарь русского языка [Текст]. Около 40 000 слов. Под ред. Л.Н. Засориной. М., «Русский язык», 1977.

82. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов [Текст] // Вопросы языкознания 1968. №2. С. 28 – 38.

83. Чудинов А.П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования [Текст] // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.6. Екатеринбург, 2001.

84. Шарова А.А. Гендерная специфика зооморфизмов в русском языке [Текст] / А.А. Шарова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2009. - № 10.2. – С.297-303.

85. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелев. - М., 2002.

86. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии (1940) [Текст] // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265 – 304.

87. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике [Электронный ресурс]. – М.: «Наука», 1974. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/205552/>

Перечень зооморфизмов по результатам лексикографического анализа

1. Аист
2. Баран
3. Боров
4. Буйвол
5. Бык
6. Вол
7. Волк
8. Воробей
9. Ворон
10. Ворона
11. Выдра
12. Голубь
13. Ехидна
14. Жаба
15. Жаворонок
16. Животное
17. Жираф
18. Заяц
19. Зверь
20. Змея
21. Индюк
22. Ишак
23. Кабан
24. Кит
25. Клоп
26. Кобыла
27. Коза
28. Козел
29. Корова
30. Коршун

- 31.Кот
- 32.Кошка
- 33.Кролик
- 34.Крот
- 35.Крыса
- 36.Кукушка
- 37.Курица
- 38.Ласточка
- 39.Лебедь
- 40.Лев
- 41.Лиса
- 42.Лошадь
- 43.Львица
- 44.Мастодонт
- 45.Медведь
- 46.Морж
- 47.Муравей
- 48.Муха
- 49.Мышь
- 50.Обезьяна
- 51.Овца
- 52.Орел
- 53.Осел
- 54.Паразит
- 55.Паук
- 56.Петух
- 57.Попугай
- 58.Птица
- 59.Рыба
- 60.Свинья

61. Скотина
62. Слон
63. Собака
64. Сова
65. Сокол
66. Соловей
67. Сорока
68. Тюлень
69. Улитка
70. Хорек
71. Хряк
72. Цыпленок
73. Червяк
74. Щенок
75. Ястреб

Зооморфный образ	РКП	СО	МАС
6. Аист	При характеристике позы человека, напоминающей «излюбленную» позу этой птицы; при характеристике походки человека, напоминающей движения этой птицы, когда при ходьбе человек высоко поднимает колени	-	-
7. Баран	При характеристике человека очень глупого, «тупого», упрямого; человека, покорного судьбе и/или не сопротивляющегося обстоятельствам; человека с очень кудрявыми волосами	Глуп как б. Как б. на новые ворота (смотрит, уставился: ничего не понимая; разг. неодобр.). Стадо баранов (также перен.: о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-чем-н.; разг. пренебр.).*	Как б. на новые ворота (уставиться, смотреть и т.д.)(прост. Пренебр.) – стать в тупик, столкнувшись с чем-либо новым, неожиданным. Не б.начихал (в знач. Сказ.; прост.) – не пустяк (пустяки), а нечто значительное, важное, с чем следует считаться, о чем надо думать. Стадо баранов (прост. Пренебр.) – о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.
8. Боров	См. свинья	Ну и б.! (перен.: о толстом, неповоротливом человеке; прост, пре-небр.).	1.... ШПрост. О толстом, неповоротливом человеке.
9. Буйвол	-	Ну и б. этот мужик! (перен.: о грузном, толстом человеке; прост.).	-
10. Бык	При характеристике человека, проявляющего непоколебимое упрямство в сочетании с силой и внутренней готовностью дать отпор; человека, движения и внешность которого вызывают ассоциации с этим животным; человека, поведение которого сопоставляется с (агрессивным) поведением Б., отождествляется	-	Здоров как б. – о человеке с очень крепким здоровьем

	или противопоставляется ему		
11. Вол	При характеристике терпеливого человека, способного выполнять тяжелую, однообразную, требующую усердия, кропотливую работу (<i>вололье терпение</i>)	Вололье упрямство (перен.).	Работать (или трудиться) как в. – работать очень много, не покладая рук.
12. Волк	Для характеристики очень голодного, способного проглотить большое количество еды человека; злого, жестокого, кровожадного человека; опытного, много испытавшего, много знающего человека; гордого, независимого и свободного человека, отказывающегося подчиняться чье-либо власти; человека, в поведении которого проявляются черты, характерные для В.	Голоден как в. (очень голоден). Волком смотреть (смотреть угрюмо, враждебно). * Морской волк - старый, опытный моряк.	Морской волк – о старом, опытном моряке. Травленный волк - о человеке опытном, выдавшем виды, побывавшем в опасностях и переделках. Волк в овечьей шкуре – о лицемере, человеке, прикрывающем свои дурные намерения, действия маской добродетели. Волком смотреть – иметь угрюмый, недружелюбный, враждебный вид. Хоть волком вой- о тяжелом, безысходном положении.
13. Воробей	Для характеристики неброского, невзрачного, (трогательно) маленького человека; человека, в движениях которого проявляется суетливость, непоседливость, легкость; человека, параметры которого (напр.: рост) очень малы	Старый или стреляный в. (перен.: опытный, бывалый человек; разг. шутил.). П прил. воробьиный, -ая, -ое. С в. нос или короче воробьиного носа (очень маленький). *	Стреляный (или старый) в. – о многоопытном человеке, которого трудно обмануть, провести.
14. Ворон	При характеристике человека, напоминающего В. по внешности и/или поведению; при этом может подразумеваться, что этот человек опасен, «зловещ», может «принести беду»	-	
15. Ворона	О человеке невнимательном, нерасторопном (синонимами выступают <i>растяпа, разиня</i>)	2. перен. Зевака, ротозей (разг.).	2. Разг. О рассеянном, невнимательном человеке
16. Выдра	-	2.0 некрасивой и худой женщине (прост.).	2. Прост. Бран. Об очень худой женщине
17. Голубь	При ласковом обращении к близкому человеку	-	2. (обычно в обращении) Разг.

	(напр.: к возлюбленному, ребенку, другу и под.)		Ласковое название мужчины
18. Ехидна	-	3. м. и ж., перен. Злой язвительный и коварный человек (разг.).	3.разг. О злом, язвительном, коварном человеке.
19. Жаба	При характеристике человека с отталкивающей внешностью: глаза навыкате (лупоглазый), с большим ртом (возможно, полный человек, невысокого роста, с неровной кожей и/или нездоровым цветом лица); при этом может предполагаться, что человек обладает и крайне неприятным характером; человека, воспринимаемого говорящими как крайне неприятное, мерзкое существо, «нечисть»	-	-
20. Жаворонок	Для характеристики человека, который с легкостью встает рано утром и пик активности которого приходится на утренние часы; при этом может предполагаться, что он рано ложиться спать	2. перен. Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером. 3.	-
21. Животное	-	3. перен. О грубом, неразвитом и неумном человеке (разг. презр.).	2. Разг. О человеке грубом, с низменными инстинктами и т.п.
22. Жираф	Для характеристики человека очень высокого роста; человека (или группы лиц), который долго, медленно думает, плохо понимает, тугодума; при этом может предполагаться, что замедленность восприятия информации обусловлена не столько способностями человека, сколько внешними условиями (ситуацией, обстоятельствами)(<i>доходит, как до жирафа</i>)	-	-
23. Заяц	Для характеристики трусливого человека или человека, испытывающего непреодолимый страх в определенной ситуации	2. Безбилетный пассажир, а также зритель, проникший куда-н. без билета (разг.).	3.разг. Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-л.
24. Зверь	-	2. перен. Жестокий, свирепый человек. 3.	2. О чрезвычайно жестоком,

30. Клоп	О маленьком ребенке или взрослом очень маленького роста	На отсталом (разг.) о чем-н. рьяно, с азартом (разг.). З. на работу.	2. разг. о маленьком ребенке, малыше
31. Кобяла	При характеристике коварного человека, способного на предательство, холодного,	Зменерно (разг.) о человеке, который (перен.) врагом, предателем). Не человек - з.! (о злом и язвительном человеке).	2. О. П. Грубарном проститом, рослой здоровой женщине
32. Коза	Дает характеристику коварного человека, способного на предательство, холодного, характер; потенциально опасной характерности человека; потенциально опасной ситуацией и с другой стороны не поведет себя (особенно характерной мужской речью) изировать»		2. разг. шутил. О резвой, бойкой девочке, девушке.
33. Козел	Обоим характеристике человека, во внешнем	* Козел отпущения (разг.) - о человеке, на которого, как постоянно (о том, сваливает грехи на других) все плохое [по древнееврейскому обряду, когда в день отпущения грехов первосвященник, кладя руки на голову козла, тем самым возлагал на него грехи всего народа].	Козел отпущения – о человеке, на которого постоянно сваливают чужую вину, ответственность за чужой поступок (первоначально козел у древних евреев, на которого особым обрядом возлагались грехи всего народа)
26. Индюк	Обоим характеристике человека, во внешнем облике которого преобладают черты, упрямые, как у индюка; важный как индюк); человека, купороне. ни на чем не основано, из-за чего он выглядит комично (индюк надутый; надулся, как индюк; важный как индюк); человека,		
34. Корова	Дает характеристику человеку, напоминая облик Весной женщины; неповоротливого	Этакая к. (перен.: о толстой, неуклюжей женщине; прост, пренебр.).	2. груб. Прост. О толстой, неуклюжей, а также неумной женщине
27. Ишак	Дает характеристику человеку, выполняющему самую тяжелую и неприятную работу неуклюже, незящно, неловко; человека; человека по его	2. перен. Человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу (прост.).	жен. Об упрямом, глупом человеке
28. Кабан	поведению или действий человека, напоминающих поведение К. (напр.: мычать	-	2....П прост. Пренебр. О грузном, толстом мужчине
29. Кит	как корова; жевать как корова; покорная корова и др.)	2. чаще мн., перен. Человек, на к-ром держится все дело. Киты науки. *	2. перен.; обычно чего. Разг. Одно из главных или наиболее важных лиц в каком-л. Деле, деятельности,
35. Коршун	См. ястреб		
36. Кот	При характеристике мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свое мужское начало,	2. перен. О похотливом, сластолюбивом мужчине (прост, пренебр.).	на которых это дело держится (от старинного представления, что земля держится на трех китах)

40. Крыса	Уверенный характер быка мужчине копы в неподобающе бесстыжностью обнаруживаются в обличии агрессивного (жарг.: пышные усы)	Крысы бегут с тонущего корабля (также перен.: о тех, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент; не-одобр). *	2. с определением. Разг. пренебр. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое,
37. Кошка	При характеристике человека, во внешности которого обнаруживаются «кошачьи» черты;	Канцелярская крыса - (о болезненном, мросий, служащий, что овидом, болезненном	Драпаж кошка – о худой, жалкого вида женщине
41. Кукушка	Деловая характеристика независимым характером забыл о своих людях, оставляющих живучесть в дружные люди, приносящая новы условия для работы женщины бы имеющей в своем движении, при этом надежной и движением (настроенный браву жизни быстры, грациозны); реже – чувств,	человеке; прост.). Знает (чувет) к., чье мясо съела (поел. о виноватом, по поведению к-рого видно, что он знает свою вину). Как к. с собакой живут (о тех, кто постоянно ссорится, враждует; разг.). Как к. с мышью играет кто-н. с кем-н. (о том, кто, скрывая свое истинное лицо, то мягок, то жесток с	-
42. Курица	Для характеристики которого приписывается человека; обличья женщины; человека, но правдивости женщины и предприниматель доставляющие проблемы, мелочно и навязчиво	тем, кто от него зависит, кто будет его жертвой; разг.).	Мокрая курица (пренебр.) – 1) о человеке, имеющем жалкий вид; 2) о безвольном, бесхарактерном человеке. Слепая курица – о плохо
38. Кролик	Для описания которой (в этом беззастенчивом бывавшей характер (в этом беззастенчивом предвидящего человека как оправа прожектенив); неповедного от него не за себя, теряющего в трудных условиях и/или плодовитостью	-	видящем, близоруком человеке
39. Кресточка	Для характеристики обращения к которой иной для девочки и ребенка деятельности, образа жизни или иных обстоятельств большую часть	-3. Ласковое обращение к девочке, женщине.	2.(обычно в обращении)Разг. Ласковое название женщины, девочки.
44. Лебедь	Временами находится в женском узаконной пресариства и красоты; поэт. и женские скрупулезно и не имеет яркой, но в работе внешний облик и в работе сочувств в утраде женской работает большой объем материала	-	2. ж. (обычно в обращении) народно-поэт. Ласковое название девушки, женщины.
45. Лев (львица)	Дерзкая и верная к чему-то в расхождении данное слово (п.) действии в обиходной информация его сила и бесстрашие, а также	-	2. устар. И ирон. О мужчине, законодателе мод и правил светского поведения,

	человека грациозного, ловкого, хваткого и опасного; могущественного человека, возможно, обладающего властью и занимающего господствующее положение по отношению к другим людям; человека, у которого очень густые и пышные волосы		пользующемся большим успехом у женщин.
46. Львица (лев)	Для характеристики человека, совершающего самоотверженные действия, в которых проявляется его сила и бесстрашие, а также человека грациозного, ловкого, хваткого и опасного; могущественного человека, возможно, обладающего властью и занимающего господствующее положение по отношению к другим людям; человека, у которого очень густые и пышные волосы		2. устар. И ирон. О женщине, законодательнице мод и правил светского поведения, пользующейся большим успехом у мужчин
47. Лиса	Для характеристики льстивого человека (хитрость при этом часто сочетается со льстивостью)	2. перен. Хитрый, льстивый человек (разг.).	2. о хитром, льстивом человеке
48. Лошадь	При характеристике молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (<i>лошадь, кобыла, кобылица</i>); человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади; человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу <i>жеребенка</i>) или любовь к свободе и обузданный нрав	Ну и л. эта баба (о крупной и нескладной женщине; разг., неодобр.).	-
49. Мастоdont	-	Не человек, а м. (о ком-н. большом и неуклюжем).	...П о громадном, неуклюжем человеке
50. Медведь	Для характеристики неуклюжего (как физически, так и нравственно) непреднамеренно грубого и неделикатного; человека	2. перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.).	2. разг. о крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке П О невоспитанном

	неотесанного, не умеющего вести себя, идущего напролом; крупного, физически сильного человека; человека, отстраняющегося от какой-либо активной деятельности, не любящего покидать свое жилище		человеке
51. Морж	-	2. перен. Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах.	2. любитель зимнего плавания в открытых водоемах
52. Муравей	Для характеристики трудолюбивого и, как правило, скромного человека (или группы лиц); большого -количества людей, которые суетливо и хаотично движутся; слабого, «мелкого», не имеющего общественной силы и значимости человека (или группы лиц); для обозначения совокупности лиц используется слово « <i>муравейник</i> »		-
53. Муха	Для характеристики навязчивого, очень надоевшего человека, реже – группы лиц; человека, воспринимаемого говорящим как мелкое, ничтожное существо		-
54. Мышь	Для характеристики незаметного, непривлекательного, невзрачного человека; человека, который ведет себя тихо и незаметно и старается не привлекать к себе внимания; человека, который может с помощью хитрости легко проникнуть в труднодоступные или запретные места; человека, воспринимаемого беззащитным, беспомощным, «трепещущим» от страха, несоизмеримо маленьким по сравнению с окружающей его действительностью		Как мышь на крупу надулся <i>кто</i> - о человеке, имеющем обиженный, надутый вид
55. Обезьяна	-	2. перен. Человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.),	2. разг. О человеке, который подражает другим, передразнивает других II О том, кто гримасничает,

			кривляется. 3. разг. Об очень некрасивом человеке
56. Овца	При характеристике женщины, внешность и/или поведение которой напоминает это животное; женщины безобидной и беззащитной в силу своей глупости; человека, покорного судьбе, не сопротивляющегося обстоятельствам	Не будь овцой (перен.: не будь бессловесным, чересчур покорным; разг.).	Заблудшая овца – о человеке, оторвавшемся от своего круга, общества, семьи и т.п., сбившемся с правильного жизненного пути
57. Орел	Для характеристики «настоящего мужчины», у которого много достоинств; при этом может подчеркиваться любое из его качеств, соотносимых с характеристиками О. (напр.: мужественность, благородство, свободолюбие, гордость, независимость и т.д.); человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с О.	2. перен. О гордом, смелом, сильном человеке.	2. о человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью и т.п.
58. Осел	Для характеристики глупого (и невежественного) человека, не знающего и неспособного понять самые простые вещи; человека, отличающегося тупым упрямством	2. перен. О тупом упрямце (прост. бран.)	2. прост. О глупом, тупом, упрямом человеке
59. Паразит	-	2. Человек, к-рый живет чужим трудом, туineaдец (презр.).	2. тот, кто живет чужим трудом; туineaдец 3. прост. Употребляется как бранное слово
60. Паук	При характеристике неприятного, опасного, коварного человека или существа, способного использовать другого полностью, до последней истощенности, а потом бросить; подлого человека, повсюду плетущего интриги и расставляющего свои «сети», в которые может попасться невинная жертва	-	2. разг. О том, кто жестоко эксплуатирует кого-л.
61. Петух	Для характеристики драчуна, забияки, не	2. перен. О задорном человеке, забияке	2.разг. О задиристом, запальчивом

	прощающего даже мелкой обиды, готового биться даже с теми, кто сильнее его; мужчины, отличающегося сексуальной активностью, уверенного в своем успехе у женщин, при этом, как правило, самодовольного и самовлюбленного.	(разг.).	человеке, забияке.
62. Попугай	Для характеристики человека, который ярко и безвкусно одет; человека, который повторяет собственные или чужие слова; при этом может предполагаться, что он это делает автоматически, неосознанно или не имея собственного мнения	2. перен. О том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения (разг. неодобр.).	2. перен. Разг. Тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова
63. Птица	-	3. В нек-рых сочетаниях: о человеке (разг.). Это что за п.? (кто это?; ирон.). Невелика п. (о незначительном человеке; пренебр.). Важная п. (о том, кто занимает важное положение или заважничал). П. высокого полета (о том, кто занимает важное положение). Вольная п. (о свободном, ни от кого не зависящем человеке).	2. разг. Ирон. О человеке, с точки зрения его общественного значения, положения
64. Рыба	При характеристике человека, который отлично плавает и хорошо и свободно чувствует себя в воде; человека по его внешности (если у него круглые светлые глаза, лишенный осмысленности взгляд; остекленевшие, безжизненные, невыразительные глаза); поведение человека, которое вызывает ассоциации с рыбой	3. перен. Вялый, холодный человек (разг.).	2. разг. О вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке
65. Свинья	Для характеристики физически и/или нравственно нечистоплотного человека, человека не порядочного, нарушающего нормы приличия и правила поведения,	4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.).	2. разг. О грязном, неопрятном человеке, неряхе П О человеке с низменными наклонностями, невежественном, некультурном.

	невежественного и грубого; безобразно пьяного человека; толстого и неприятного человека (о мужчине и о женщине); в этом значении это синоним слову <i>боров</i> (только о мужчине)		3. разг. О человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко.
66. Скотина	-	2. перен., м. и ж. Грубый, подлый человек (прост. бран.).	2. прост. Презр. То же, что СКОТ во 2 знач. : О грубом, низком, подлом человеке
67. Слон	Для характеристики человека с очень крупным телосложением; если характеризуется женщина, то наряду с крупными габаритами может иметься ввиду неязьность, неженственность; неповоротливого, неловкого человека с тяжелой, неуклюжей походкой, способного «затоптать» все на своем пути; человека, который может съесть большое количество еды	Как с. кто-н. (неуклюж, громоздок, неповоротлив; разг.).	2. разг. О высоком, толстом, неуклюжем человеке
68. Собака	Для характеристики человека, настроенного злобно и агрессивно по отношению к другим; преданного верного человека, испытывающего сильное чувство привязанности к объекту своих чувств; человека, в поведении которого проявляется «патологическая» преданность, граничащая с услужливостью, поклонением и подобострастием; покорного, готового подчиниться человека; при этом может подразумеваться его забитость, затравленность, неспособность к сопротивлению; человека с очень хорошим обонянием; с обостренным чутьем, с хорошо развитой интуицией; человека, не сидящего на месте, постоянно занятого, загруженного делами/работой	2. перен. О злом, грубом человеке (разг.). 3. <i>на что, в чем</i> и с неопр. Знаток, ловкий в каком-н. деле человек (прост.).	2. прост. Употребляется как бранное слово 3. прост. Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.
69. Сова	Для характеристики человека, который по ночам бодрствует, а утром долго спит; человека, у	2. перен. Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, чем утром.	-

	которого круглые, широко открытые глаза и неподвижный взгляд		
70. Сокол	При характеристике смелого, решительного мужчины («бойца»); часто о летчиках	-	3. народно-поэт. И устар. О мужчине, юноше, отличающемся удалью, отвагой, красотой II (обычно в сочетании с прилаг. <i>ясный</i>) народно-поэт. Ласковое обращение к мужчине, юноше
71. Соловей	Для характеристики человека, который хорошо поет и пением которого можно заслушаться	-	-
72. Сорока	При характеристике человека (как правило, женщины), который много болтает; любит сплетни, распространяет слухи; любит блестящие вещи; носит много блестящих украшений	2. То же, что трещотка (в 3 знач.) (разг.). →3. м. и ж. Человек, к-рый громко, без умолку говорит, та-ратора.	2.разг. О болтливом человеке; о сплетнике, сплетнице.
73. Тюлень	-	2. перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг. шутил.).	2. разг. О неуклюжем, неповоротливом, нерасторопном человеке
74. Улитка	Для характеристики человека, который пытается отгородиться от окружающего мира	-	-
75. Хорек	Для характеристики злобного человека, как правило, маленького роста	-	-
76. Хряк	-	-	-
77. Цыпленок	Для характеристики слабого, хилого человека, который не может себя защитить; молодого, наивного и неопытного, возможно, трогательного человека	-	-
78. Червяк <червь>	Для характеристики жалкого, ничтожного и/или интеллектуально и духовно убогого человека	2. перен. О жалком, ничтожном человеке (презр).	= ЧЕРВЬ : 2. О ничтожном, приниженном человеке
79. Щенок	Для характеристики человека, который, с точки зрения говорящего, слишком молод для того,	2. перен. Мальчишка, молокосос (прост, бран.).	1. ...II груб.прост.пренебр. О ребенке

	чтобы иметь свои собственные суждения, взгляды; а также неопытного, начинающего в каком-либо деле и потому беспомощного человека; человека, в поведении которого проявляется детская/юношеская восторженность, пылкость, пытливость, беспечность, инфантильность		2. Прост. Бран. О молодом, неопытном в каком-л. Деле человеке, молокососе, мальчишке
80. Ястреб (коршун)	Для характеристики воинственно настроенного человека, готового быстро и стремительно «нападать» на своего противника, используя в том числе и хитрые, неблагородные методы; политика, считающего, что любой конфликт может быть решен в первую очередь военным путем; человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с Я.; человека, хищно выжидающего удобный момент для нападения на потенциальную «жертву», поведение которого отличается безжалостной агрессивностью, беспринципностью, кровожадностью, желанием уничтожить своего оппонента	2. (-ы, -ов), перен., обычно мн. Об агрессивно настроенных сторонниках войны, гонки вооружений.	-

Ранжирование по частотности зоонимов по данным Частотного словаря русского языка под ред. Л.Н. Засориной (1977 г.) и Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова (2009 г.)

Зооморфизм	2009 г.
76. Собака	132.2
77. Животное	95.9
78. Птица	94.5
79. Лошадь	80.9
80. Рыба	86.0
81. Лев	64.3
82. Кошка	50.4
83. Корова	44.8
84. Зверь	49.1
85. Кот	40.3
86. Волк	36.1
87. Медведь	33.4
88. Мышь	37.0
89. Курица	33.1
90. Слон	23.8
91. Щенок	20.9
92. Заяц	21.7
93. Муха	27.1
94. Орел	19.7
95. Змея	20.5
96. Бык	22.2
97. Козел	19.5
98. Крыса	17.7
99. Свинья	23.1
100. Лебедь	14.9
101. Овца	17.5
102. Обезьяна	17.4
103. Голубь	13.7
104. Кролик	11.9
105. Воробей	14.5
106. Ворона	12.6
107. Коза	16.2
108. Паук	9.9
109. Баран	8.9
110. Кит	10.7
111. Петух	16.0
112. Соловей	7.9

113.	Лиса	8.7
114.	Хорек	5.9
115.	Цыпленок	6.8
116.	Кобыла	5.8
117.	Муравей	12.1
118.	Сова	8.5
119.	Сорока	5.8
120.	Клоп	6.6
121.	Осел	7.5
122.	Паразит	5.6
123.	Попугай	10.1
124.	Скотина	11.0
125.	Кукушка	4.6
126.	Ласточка	6.4
127.	Сокол	8.2
128.	Ястреб	3.6
129.	Ворон	5.3
130.	Жаба	4.4
131.	Жираф	2.6
132.	Кабан	5.3
133.	Морж	2.6
134.	Тюлень	2.6
135.	Червяк	4.4
136.	Боров	1.6
137.	Мастодонт	0.7
138.	Хряк	1.6
139.	Индюк	1.5
140.	Ишак	1.5
141.	Крот	6.0
142.	Улитка	0.6
143.	Буйвол	2.3
144.	Коршун	2.3
145.	Аист	3.1
146.	Львица	1.3
147.	Вол	3.0
148.	Жаворонок	3.0
149.	Выдра	1.1
150.	Ехидна	-

Кит	8
Кобыла	8
Лебедь	8
Лиса	8
Сорока	8
Щенок	8
Жаворонок	6
Ласточка	6
Паразит	6
Соловей	6
Кабан	5
Червяк	5
Ворон	4
Львица	4
Попугай	4
Улитка	4
Хорек	4
Выдра	3
Змея	3
Индюк	3
Паук	3
Боров	2
Буйвол	2
Ехидна	2
Ишак	2
Крот	2
Сова	2
Мастодонт	1
Аист	-
Жаба	-
Жираф	-
Морж	-
Тюлень	-
Хряк	-
Слон	13
Орел	12
Цыпленок	12
Коза	10
Коршун	9
Муравей	9
Баран	8
Вол	8
Ворона	8

Полевая организация группы рассматриваемых зооморфизмов

		Зооморфизм	Контекстов из 100
		Ядро	151.
152.	Боров		38
153.	Мастодонт		38
154.	Паразит		34
155.	Ястреб		32
156.	Козел		31
157.	Свинья		30
158.	Индюк		22
159.	Ишак		22
160.	Морж		22
161.	Хорек		21
162.	Орел		21
Ближняя периферия	163.	Выдра	20
	164.	Жаворонок	20
	165.	Зверь	20
	166.	Осел	19
	167.	Крот	18
	168.	Хряк	18
	169.	Ехидна	17
	170.	Кобыла	17
	171.	Баран	16
	172.	Крыса	16
	173.	Кролик	15
	174.	Обезьяна	15
	175.	Овца	15
	176.	Щенок	15
	177.	Львица	14
	178.	Ворона	12
	179.	Волк	11
	180.	Медведь	10
Дальняя периферия	181.	Бык	10
	182.	Жаба	10
	183.	Змея	10
	184.	Коза	10
	185.	Червяк	10
	186.	Буйвол	8
	187.	Кабан	8
	188.	Кит	8
	189.	Лиса	8
	190.	Вол	7

191.	Заяц	7
192.	Клоп	7
193.	Ласточка	7
194.	Сова	7
195.	Тюлень	7
196.	Курица	6
197.	Паук	6
198.	Воробей	5
199.	Голубь	5
200.	Корова	5
201.	Кукушка	5
202.	Муравей	5
203.	Попугай	5
204.	Слон	5
205.	Соловей	5
206.	Цыпленок	5
207.	Животное	4
208.	Петух	4
209.	Собака	4
210.	Сокол	4
211.	Аист	3
212.	Коршун	3
213.	Кошка	3
214.	Лебедь	3
215.	Лошадь	3
216.	Мышь	3
217.	Птица	3
218.	Рыба	3
219.	Ворон	2
220.	Кот	2
221.	Жираф	1
222.	Муха	1
223.	Лев	0
224.	Сорока	0
225.	Улитка	0